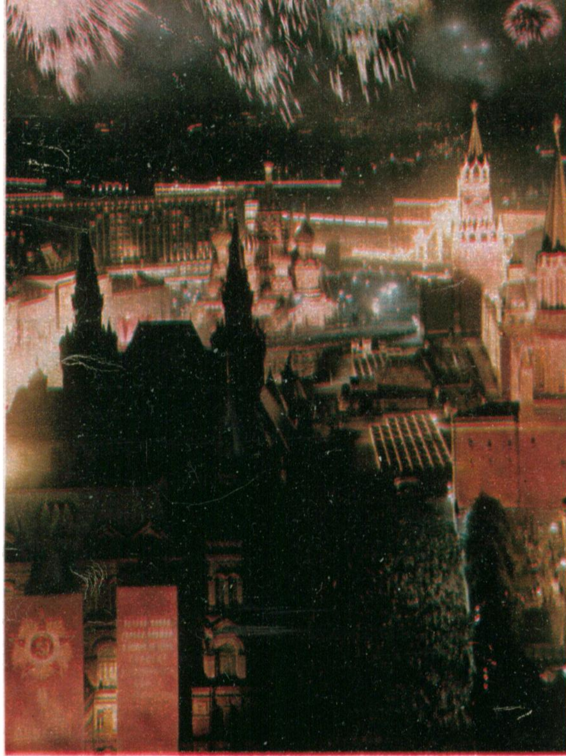
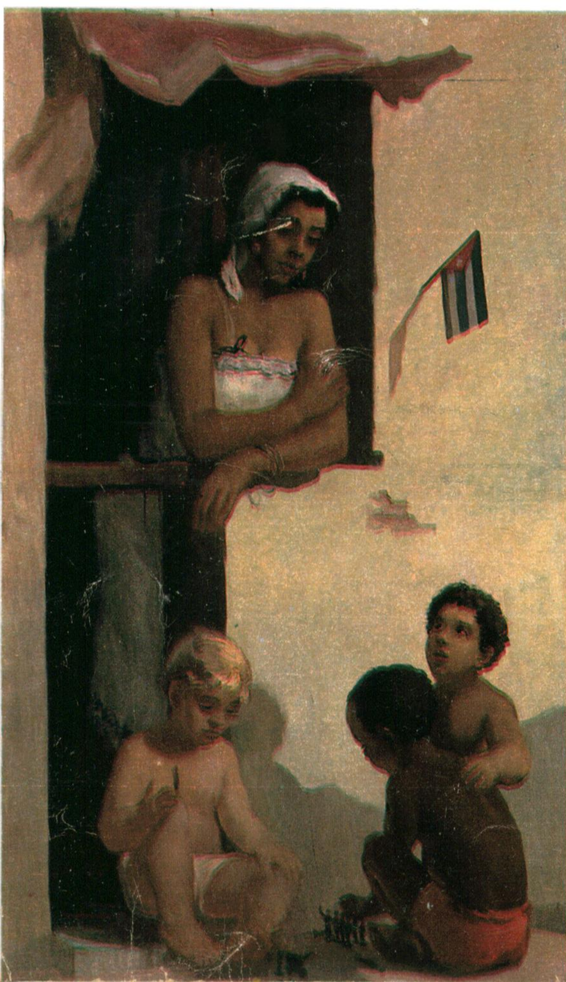

С НОВЫМ ГОДОМ!

В НОМЕРЕ:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

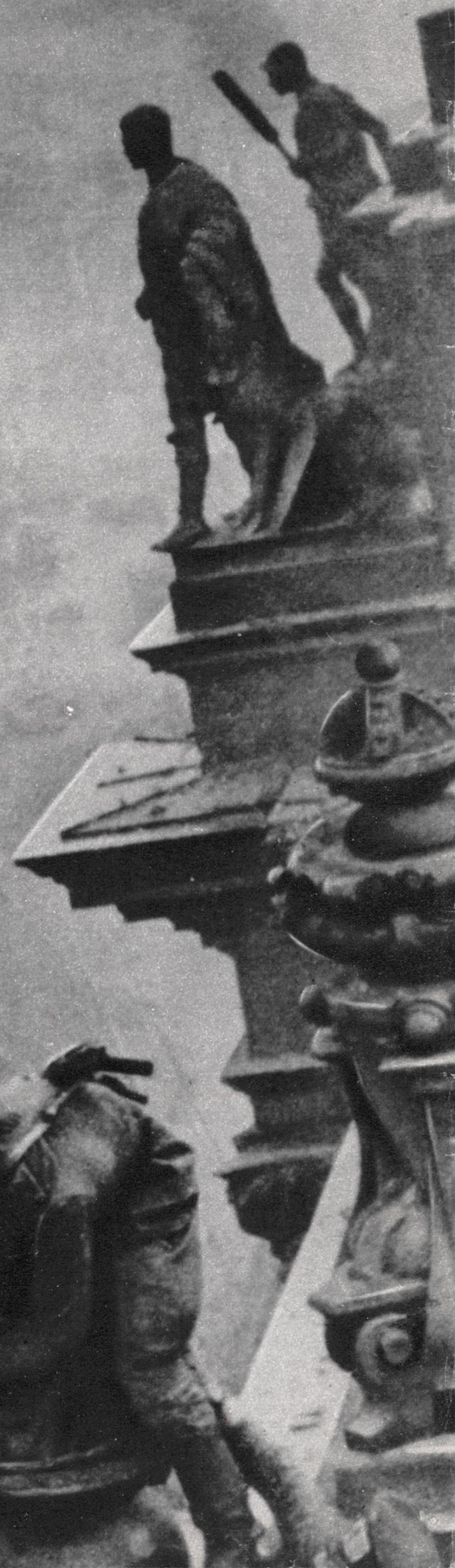
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 1 (2998)

1—5 ЯНВАРЯ

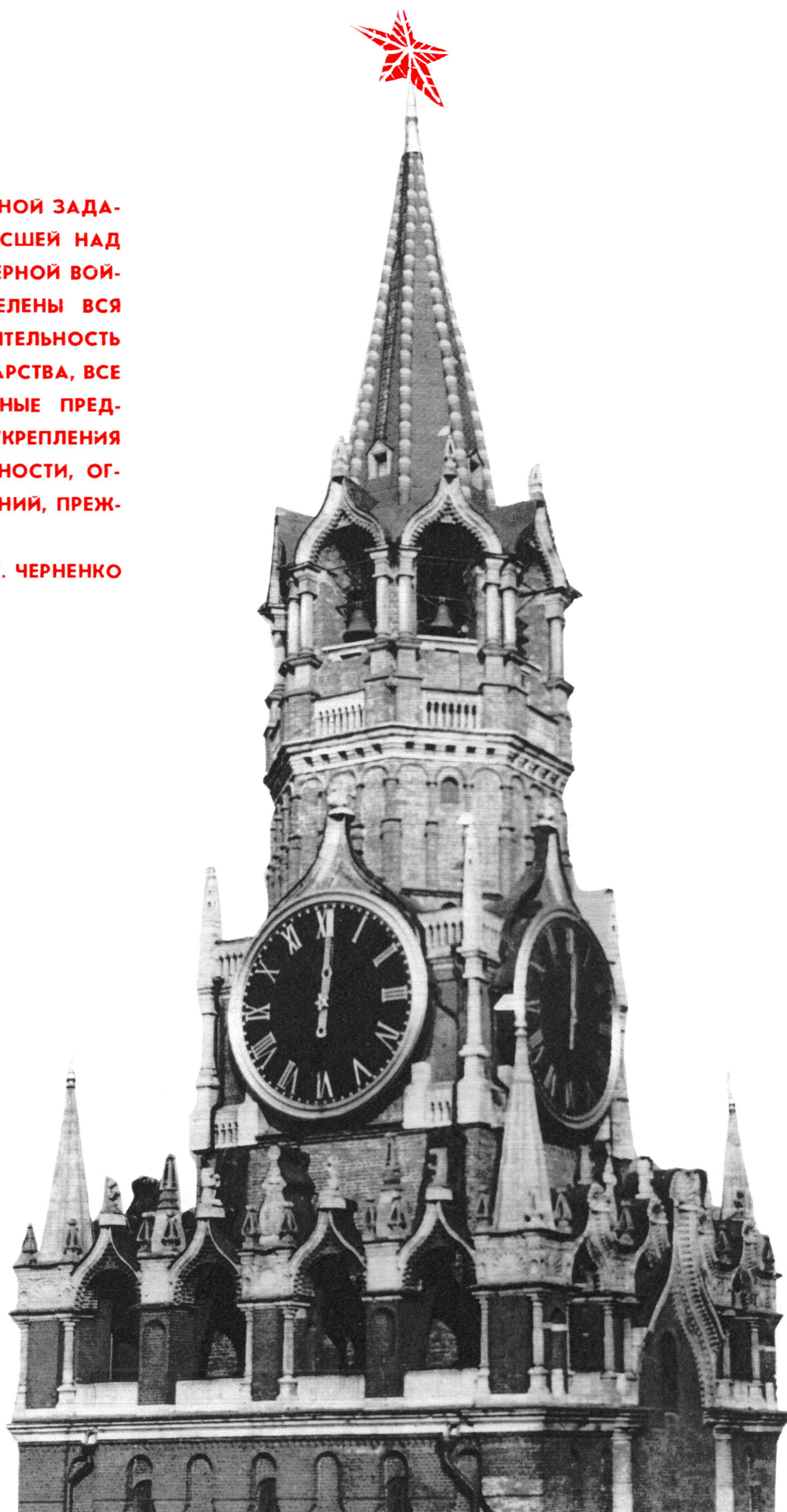

Берлин, май 1945 года

«СЕЙЧАС НЕТ БОЛЕЕ НАСУЩНОЙ ЗАДАЧИ, ЧЕМ УСТРАНЕНИЕ НАВИСШЕЙ НАД ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ УГРОЗЫ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ. ИМЕННО НА ЭТО НАЦЕЛЕНЫ ВСЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КПСС И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА, ВСЕ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ КОНКРЕТНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СССР В ОБЛАСТИ УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ОГРАНИЧЕНИЯ ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЯДЕРНЫХ».

К. У. ЧЕРНЕНКО

ДОРОГОЙ ДРУЖБЫ, ПОД ЗНАМЕНЕМ ЛЕНИНИЗМА

Воплощением жизненной силы ленинской национальной политики стал солнечный Туркменистан. Торжественно отметила социалистическая Отчизна 60-летие братской республики, ее компартии, вековой юбилей добровольного вхождения туркменского народа в состав Российского государства. За успехи в хозяйственном и культурном строительстве и в ознаменование 100-летия добровольного вхождения Туркменистана в состав России Туркменская Советская Социалистическая Республика награждена орденом Ленина.

22 декабря в Ашхабаде состоялось торжественное заседание ЦК Компартии Туркменистана и Верховного Совета республики с участием представителей партийных, советских и общественных организаций, трудовых коллективов и воинов Советской Армии, посвященное знаменательным датам и вручению Туркменской ССР высшей награды Родины.

С воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем К. У. Черненко.

На заседании, тепло встреченный присутствующими, выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР В. И. Воротников. Позвольте передать вам, сказал он, всем трудящимся Туркмении сердечные поздравления с высокой наградой Родины от Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко. Константин Устинович желает вам дальнейших успехов во всех областях социалистического созидания.

В. И. Воротников огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР и под продолжительные аплодисменты собравшихся прикрепил награду к знамени Туркменской ССР.

С докладом выступил первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана М. Г. Гапуров.

Участники торжественного заседания с подъемом приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу К. У. Черненко.

На снимке: во время вручения награды.

Фото ТАСС

ВЫСОКОЕ ДОВЕРИЕ НАРОДА

В обстановке большого политического и трудового подъема проходит в нашей стране подготовка к выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик, в местные Советы народных депутатов. Выборы в Советы приходятся на завершающий год пятилетки — год активной подготовки к XXVII съезду КПСС, год 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, год 80-летия первой русской революции, первых Советов.

В избирательной кампании наступил важный этап: началось выдвижение кандидатов в депутаты Верховных Советов республик.

С приподнятым настроением пришли 19 декабря в празднично украшенный сборочный цех московского завода «Хроматрон» производственного объединения «МЭЛЗ» на собрание представители рабочих, инженерно-технических работников и служащих предприятия, чтобы назвать своего кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР по Куйбышевскому избирательному округу.

Слово предоставляется слесарю В. М. Александрову. Он сказал:

— Мы благодарны Коммунистической партии, ее Центральному Комитету, Политбюро ЦК, товарищу К. У. Черненко за постоянную заботу о человеке труда, об укреплении мира на земле.

Я предлагаю от имени нашего коллектива выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР по Куйбышевскому избирательному округу Константина Устиновича Черненко, выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения, руководителя ленинского типа, пламенного пропагандиста марксистско-ленинских идей, неутомимого борца за мир и сотрудничество между народами.

Это предложение присутствующие встретили бурными, долго не смолкающими аплодисментами.

Предложение о выдвижении кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР товарища К. У. Черненко горячо поддержали монтажница Л. А. Доброва, главный инженер завода А. А. Иванов, контролер ОТК Т. А. Ларина. Они заверили, что коллектив предприятия, как и все москвичи, широко развернет социалистическое соревнование за досрочное выполнение заданий пятилетки, за достойную встречу XXVII съезда партии.

Единодушно принимается постановление: выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР по Куйбышевскому избирательному округу города Москвы от рабочих, инженерно-технических работников и служащих завода «Хроматрон» Константина Устиновича Черненко, Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

На собрании присутствовал член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

Товарищ К. У. Черненко был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР на собраниях представителей коллективов московского производственного объединения «Электрозавод» имени В. В. Куйбышева, московского швейного производственного объединения «Сокол», производственного объединения турбостроения «Ленинградский Металлический завод» и других трудовых коллективов, кандидатом в депутаты в Верховный Совет Украинской ССР — в Киевском научно-производственном объединении «Маяк», Грузинской ССР — коллективом Тбилисского электровагоноремонтного завода, а также на ряде предприятий в других республиках.

На собраниях представителей трудовых коллективов кандидатами в депутаты Верховного Совета союзных республик были выдвинуты товарищи: Н. А. Тихонов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Г. В. Романов, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, М. С. Соломенцев, В. В. Щербицкий, Д. А. Кунаев, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков.

Кандидатами в депутаты высшего органа государственной власти республик на собраниях названы лучшие представители рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции — ленинградский бригадир слесарей-сборщиков В. С. Чичеров, украинский ученый Б. Е. Патон, доярка из Узбекистана М. Исакова, шахтер из Казахстана Ж. Игибаев и другие.

На собраниях избраны доверенные лица кандидатов в депутаты и представители на окружные предвыборные совещания, которым поручено поддержать выдвинутые кандидатуры.

На снимке: идет собрание на заводе «Хроматрон».

Фото С. Трифонова и Л. Глаголева

ПЕРЕГОВОРЫ В ПЕКИНЕ

В Пекин 21 декабря по приглашению правительства Китайской Народной Республики прибыл первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов.

С 21 по 23 декабря 1984 года первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов и заместитель премьера Госсовета КНР Яо Илинь провели три заседания, во время которых ознакомили друг друга с экономическим положением в своих странах, а также обменялись мнениями по вопросам дальнейшего развития торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между двумя странами.

Обе стороны обсудили вопросы о подписании соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве, соглашения о научно-техническом сотрудничестве и соглашения о создании советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству и достигли договоренности по этим вопросам.

Переговоры проходили в доброжелательной и конструктивной атмосфере.

23 декабря член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян принял находившегося в Пекине по приглашению правительства КНР первого заместителя Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипова.

В ходе состоявшейся беседы были обсуждены вопросы дальнейшего развития сотрудничества между СССР и КНР в области экономики, торговли, науки и техники.

На снимке: во время переговоров.

Фото Синьхуа — ТАСС

От Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубоким прискорбием извещают, что 20 декабря 1984 года на 77-м году жизни после тяжелой болезни скончался видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР, Маршал Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза, дважды Герой Социалистического Труда Устинов Дмитрий Федорович.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС | **ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР** | **СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР**

Маршал Советского Союза

Дмитрий Федорович УСТИНОВ

20 декабря 1984 года на 77-м году жизни после тяжелой болезни скончался член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР, депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза, дважды Герой Социалистического Труда, Маршал Советского Союза Дмитрий Федорович Устинов. В его лице Коммунистическая партия и советский народ, Вооруженные Силы СССР потеряли видного деятеля КПСС и Советского государства.

Дмитрий Федорович Устинов прожил яркую, славную жизнь. По воле партии он возглавлял ответственные участки государственного строительства, народного хозяйства, занимал высокие посты в центральных органах партии и государства, был одним из крупных организаторов оборонной промышленности и руководителей Вооруженных Сил СССР. С его именем связано обеспечение Советской Армии и Флота вооружением и боевой техникой в годы Великой Отечественной войны. Он внес значительный вклад в создание ракетной техники и в освоение космоса.

Д. Ф. Устинов родился в 1908 году в г. Куйбышеве в семье рабочего. В 1922 году вступил добровольцем в Красную Армию. После службы в армии окончил профессионально-техническую школу, работал слесарем, машинистом-дизелистом в городах Балахна и Иваново. В 1927 году стал членом Коммунистической партии.

По окончании в 1934 году Ленинградского военно-механического института Д. Ф. Устинов работал инженером в научно-исследовательском институте, с 1937 года — инженером-конструктором, заместителем главного конструктора, а затем директором ленинградского завода «Большевик». Здесь проявился его талант конструктора и организатора производства.

В июне 1941 года Дмитрий Федорович Устинов был назначен народным комиссаром вооружения СССР. Возглавив освоение и массовое производство оружия в годы Великой Отечественной войны, он многое сделал для победы над гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом.

С 1946 по 1957 год Д. Ф. Устинов — министр оборонной промышленности СССР. Затем он назначается заместителем Председателя Совета Министров СССР, а в марте 1963 года — первым заместителем Председателя Совета Министров СССР и председателем Высшего совета народного хозяйства СССР. В 1965 году Д. Ф. Устинов был избран секретарем ЦК КПСС.

На XIX, XX, XXII—XXVI съездах партии Дмитрий Федорович Устинов избирался членом Центрального Комитета КПСС. С 1965 по 1966 год он — кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, с 1966 по 1976 год — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. С 1976 года Дмитрий Федорович являлся членом Политбюро ЦК КПСС. Д. Ф. Устинов был депутатом Верховного Совета СССР 2, 4—11-го созывов, депутатом Верховного Совета РСФСР 5, 7—10-го созывов.

В апреле 1976 года Д. Ф. Устинов был назначен министром обороны СССР. На этом посту Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов твердо и неуклонно проводил в жизнь политику партии по обеспечению обороноспособности Советского государства. Ему принадлежит большая заслуга в повышении боевой готовности армии и флота, обучении и воспитании личного состава Вооруженных Сил. Д. Ф. Устинов активно укреплял боевое содружество Вооруженных Сил СССР с армиями государств — членов Варшавского Договора.

Возглавляя Министерство обороны СССР, он вел большую общественно-политическую работу, был тесно связан с трудовыми и воинскими коллективами, партийными организациями. Ему были присущи чувство нового, творческий подход к делу, умение организовать людей на решение больших и ответственных задач, что ярко проявилось в его деятельности по укреплению оборонного могущества нашей Родины. Высокая принципиальность, преданность делу партии, скромность и душевная отзывчивость снискали ему любовь и глубокое уважение советских людей. Он был для них примером беззаветного служения Родине, верности коммунистическим идеалам.

Большие заслуги Дмитрия Федоровича Устинова высоко оценены партией и государством. Он был удостоен звания Героя Советского Союза и дважды — Героя Социалистического Труда, награжден одиннадцатью орденами Ленина, орденом Суворова I степени, Кутузова I степени, медалями Советского Союза, а также высокими наградами многих государств. Он был лауреатом Ленинской и Государственных премий СССР.

Воины Вооруженных Сил СССР, все советские люди навсегда сохранят в своей памяти светлый образ коммуниста-ленинца, пламенного патриота и интернационалиста, выдающегося военачальника Дмитрия Федоровича Устинова.

К. У. Черненко, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, Г. Ф. Сизов, И. В. Архипов, А. К. Антонов, Н. К. Байбаков, Г. И. Марчук, Л. В. Смирнов, С. Ф. Ахромеев, В. Г. Куликов, С. Л. Соколов, А. А. Епишев, Н. И. Савинкин, К. М. Боголюбов, И. Ф. Дмитриев, С. А. Афанасьев, Б. В. Бальмонт, Б. В. Бакин, В. В. Бахирев, И. С. Белоусов, О. Д. Бакланов, П. Ф. Ломако, Э. К. Первышин, П. С. Плешаков, И. С. Силаев, Е. П. Славский, П. В. Финогенов, А. И. Шокин, Б. П. Бугаев, М. С. Смиртюков, А. П. Александров, Е. Ф. Муравьев, В. Ф. Толубко, В. И. Петров, А. И. Колдунов, А. Н. Ефимов, С. Г. Горшков, В. Л. Говоров, С. К. Куркоткин, В. М. Шабанов, Н. Ф. Шестопалов, А. Т. Алтунин, И. Н. Шкадов, А. И. Сорокин, М. Д. Попков, П. А. Горчаков, Л. Л. Батехин, С. А. Бобылев, П. Н. Медведев, Н. В. Огарков, Б. П. Уткин, И. А. Герасимов, В. С. Родин, Ю. П. Максимов, А. И. Ширинкин, И. М. Третьяк, М. И. Дружинин, П. Г. Лушев, И. П. Репин, М. М. Зайцев, А. Д. Лизичев, Д. Т. Язов, Н. Ф. Кизюн, С. И. Постников, В. М. Ломов, Н. И. Попов, Н. А. Моисеев, В. А. Востров, В. Г. Самойленко, Н. Ф. Грачев, О. В. Зинченко, А. Я. Ряхов, Г. А. Громов, Е. Ф. Ивановский, А. Н. Колиниченко, В. В. Осипов, В. Ф. Арапов, В. А. Беликов, Н. В. Гончаров, В. М. Архипов, В. Л. Гулевич, В. В. Скоков, Е. М. Аунапу, А. С. Елагин, В. Ф. Плеханов, В. Ф. Ермаков, Н. С. Коваленко, А. В. Ковтунов, И. М. Титов, К. А. Кочетов, А. И. Макунин, Б. В. Снетков, В. С. Нечаев, А. В. Бетехтин, В. П. Новиков, А. У. Константинов, В. А. Пономарев, А. П. Михайловский, Н. В. Усенко, И. М. Капитанец, И. Ф. Аликов, А. М. Калинин, Р. Н. Лихвонин, В. В. Сидоров, А. М. Славский, С. И. Руденко, А. С. Желтов, И. В. Илларионов, С. С. Турунов, И. П. Кудинов.

В почетном карауле — руководители Коммунистической партии и Советского государства.

Москва, 24 декабря 1984 года. На трибуне Мавзолея В. И. Ленина.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

ПОХОРОНЫ ДМИТРИЯ ФЕДОРОВИЧА УСТИНОВА

Траурная процессия направляется на Красную площадь.

Траурная процессия направляется к Кремлевской стене.

Фото Э. Песова и В. Соболева (ТАСС)

Дом союзов. На фронтоне здания — портрет Д. Ф. Устинова в траурном обрамлении. 22 декабря здесь, в Колонном зале, на высоком постаменте среди цветов был установлен гроб с телом покойного.

Первую траурную вахту несут члены правительственной комиссии по организации похорон.

12 часов. В почетный караул становятся товарищи К. У. Черненко, Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков.

Звучат траурные мелодии.

Нескончаем людской поток через Колонный зал.

Советский народ, Коммунистическая партия, воины Советской Армии и Военно-Морского Флота проводили 24 декабря в последний путь Дмитрия Федоровича Устинова — видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, члена Политбюро ЦК КПСС, министра обороны СССР, Маршала Советского Союза, депутата Верховного Совета СССР.

...В центре Колонного зала Дома союзов на высоком постаменте среди венков и цветов урна с прахом выдающегося военачальника.

11 часов. Траурную вахту несут товарищи Г. А. Алиев, В. И. Воротников, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков.

В почетный караул становятся члены правительственной комиссии по организации похорон.

Под звуки траурной мелодии урна с прахом Д. Ф. Устинова выносится из Колонного зала Дома союзов и устанавливается на орудийный лафет. Кортеж медленно направляется на Красную площадь.

На Красной площади — тысячи трудящихся столицы. Здесь же, на трибунах,— члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС, депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР, руководители министерств и ведомств, военачальники, передовики производства, представители партийных, советских и общественных организаций.

На площади в четком строю застыли воинские подразделения. Над их колоннами склонены боевые знамена.

13 часов. С орудийного лафета снимается урна с прахом покойного и устанавливается на постамент перед Мавзолеем В. И. Ленина.

На центральную трибуну Мавзолея поднимаются товарищи Г. А. Алиев, В. И. Воротников, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, В. М. Чебриков, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, члены правительственной комиссии по организации похорон.

Траурный митинг открывает председатель правительственной комиссии член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Г. В. Романов.

Затем выступили: член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, министр обороны СССР Маршал Советского Союза С. Л. Соколов, фрезеровщик Куйбышевского производственного моторостроительного объединения имени М. В. Фрунзе Герой Социалистического Труда И. П. Кудинов, министр авиационной промышленности И. С. Силаев, член Политбюро ЦК БКП, министр народной обороны НРБ генерал армии Д. Джуров.

Траурный митинг объявляется закрытым.

Руководители Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства сходят с трибуны Мавзолея и направляются к Кремлевской стене.

Урна с прахом Д. Ф. Устинова устанавливается в нише, которая закрывается мемориальной доской. На ней начертано:

Дмитрий Федорович
Устинов

$19\frac{30}{X}08$ $19\frac{20}{XII}84$

Над площадью звучит Государственный гимн Советского Союза. Гремят залпы артиллерийского салюта. Торжественным маршем проходят воинские подразделения.

Наш дальневосточный корреспондент В. КУЗНЕЦОВ попросил секретаря Хабаровского крайкома КПСС В. Ф. Сяваеву, принимавшую участие во Всесоюзной научно-практической конференции, рассказать об идеологической работе в трудовых коллективах края.

ПРИЗВАНИЕ — ПРОПАГАНДИСТ

Почти на месяц раньше срока сдал последний сейнер-траулер в счет программы нынешнего года коллектив Николаевского-на-Амуре судостроительного завода. Успех закономерен, хотя трудности перед заводом стояли серьезные. Программа судостроения превосходила прошлогоднюю, осваивался новый тип судов. К тому же завод должен был без увеличения числа рабочих обеспечить рост объемов производства. Судостроители успешно справились со всеми задачами. Успех во многом предопределила работа действующих на предприятии экономических школ. Возглавляемый директором завода С. В. Кажарским совет по экономическому образованию поставил конкретные задачи перед слушателями. Скажем, такие, как повышение уровня механизации труда или улучшение организации производства на каждом участке. Рабочие, слушатели экономических школ выявили резервы в использовании оборудования, вскрыли потери времени из-за организационных процессов. После очередного заседания экономического совета недостатки сразу же устранялись. Словом, занятия вовлекают людей в многогранную жизнь коллектива, помогают вырабатывать более активную жизненную позицию.

— На июньском (1983 г.) Пленуме Центрального Комитета партии говорилось о необходимости учить руководителей искусству воспитания людей, проводить своего рода педагогический всеобуч. Что сделано в этом отношении в Хабаровском крае?

— Некоторое время назад на предприятиях края был проведен по специальному тесту опрос бригадиров, мастеров, прорабов, начальников смен, то есть руководителей среднего звена. Ответы показали, что многие из них поверхностно знают педагогику и психологию, вопросы воспитания людей в коллективе. После этого решили создать университеты педагогических знаний и педагогические факультеты для мастеров и бригадиров. В планы экономических школ включили лекции по вопросам педагогики и психологии, воспитанию в трудовых коллективах, стали проводить практические занятия. Результаты этой целеустремленной работы заметны.

— Краевая партийная организация использует немало эффективных форм и методов идеологической работы. Что, на ваш взгляд, наиболее интересно в этом плане?

— Стараемся, чтобы повсюду был деловой подход к организации идеологической деятельности, чтобы в ней не было формализма, некомпетентности, равнодушия, чтобы в любом живом деле партийно-политический подход не подменялся канцелярско-бюрократическим. И еще — чтобы в пропаганде было больше наступательности, глубокого содержания, оперативности информации.

Так, например, было налажено идеологическое обеспечение на ударных стройках края, в том числе и на строительстве последней ЛЭП-500 Хабаровск — Комсомольск-на-Амуре. Она была построена всего за одиннадцать месяцев вместо тридцати двух. Для таких народных строек у нас создаются специальные трудовые подразделения. Люди, оставляя городской уют, уходят на долгие месяцы в тайгу, в болота. И всегда рядом с монтажниками, механизаторами, всеми строителями энерготрассы рядом идут и пропагандисты, агитаторы. Коллективы ударных строек не только знали, насколько важны сооружения данного объекта, но и постоянно чувствовали, как нужен их труд городу, краю... На трассу мужества регулярно отправлялись агитпоезда, постоянными гостями бригад на трассе ЛЭП стали наши дальневосточные писатели, художники, актеры, лекторы. Взаимные встречи обогащают не только рабочих. Воспитываются работники идеологических служб. Писатели, художники, артисты оказываются в самой гуще событий, становятся свидетелями настоящего трудового энтузиазма. Естественно, что потом каждый из них может ярче рассказать о своем герое, раскрыть облик советского человека во всем многообразии его интересов и стремлений, живущего богатой духовной жизнью.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Новогодние размышления

Самый популярный рисунок в новогодних номерах журналов и газет выглядит так: жизнерадостный малыш с четырехзначным порядковым номером на груди стоит около нарядной елки рядышком с могучим седовласым дедом.

У того на груди тоже имеется номер, только номер этот на единицу меньше. За плечами старика мешок то ли с новогодними подарками, то ли с прошлогодними заботами. А малыш — налегке, у него еще нет никаких забот, и пока что единственный подарок людям — он сам.

В общем, рисунок как рисунок. Особых недоумений или вопросов он не вызывает.

А вот у меня вызвал. Правда, было это давным-давно, когда я еще учился в школе. Разглядывая рисунок, я вдруг подумал: как же так? Ведь еще год назад этот седобородый дедушка был маленьким мальчишкой! Каким же образом ухитрился он всего за двенадцать месяцев стать глубоким старцем? Это что — волшебное превращение? Но ведь волшебники стареть не должны! Может ли быть такое?..

Взрослые, к которым я начал приставать с расспросами, либо пожимали плечами, либо говорили: «Отстань! Нам бы твои заботы...» И я отстал.

Я еще не понимал тогда, что любой год, каждый идущий, бегущий, летящий год за двенадцать месяцев своего существования успевает прожить не только свою собственную жизнь, но и миллионы, миллиарды жизней всех людей Земли. И что каждый год буквально переполнен разными, в том числе и самыми неожиданными проблемами людей, их сомнениями, надеждами, мечтами, радостями и горестями. А еще он до краев наполнен работой. Ежедневным и ежечасным человеческим трудом. Под всей этой неимоверной тяжестью немудрено и состариться...

Старый год завершил свой извечный путь и остановился на пороге года Нового. С грустноватой, доброй улыбкой он смотрит нам вслед. Смотрит, прощаясь с нами, зная, что мы уже никогда с ним не встретимся, и веря в то, что мы его не забудем.

Ведь был он не только частью огромного бессмертного времени, но и частью нашей жизни — реальной жизни конкретных людей, той самой жизни, которая только в юности кажется очень долгой, почти бесконечной и которая, к сожалению, так пронзительно и так немыслимо коротка.

Он останется в нашей памяти — 1984 год.

В нем — воплощенные в металле, бетоне и кирпиче — глыбятся уверенные и весомые: построено, проложено, пущено, открыто, обводнено, освоено

В нем — впервые на всем гордом протяжении — звенят и прогибаются под тяжестью мощных поездов легендарные рельсы БАМа — дороги века. Много уже сказано и написано об этой дороге. И пролегла она не только по дальневосточной тайге и вечной мерзлоте, но и по нашей памяти.

Вспомните коротенькую временную узкоколейку, предназначенную всего лишь для подвоза дров к городу, ту самую узкоколейку, на строительстве которой когда-то работал Павка Корчагин.

Конечно, та дорога по своей протяженности и значению несравнима с БАМом, но все-таки мы помнили о ней, прокладывая рельсы Байкало-Амурской магистрали, помнили, как помнят люди о своей первой любви.

Дороги были и после. Был знаменитый Турксиб, была героическая Дорога жизни по Ладоге, была военная сталинградская дорога сквозь метельные заволжские степи, была дорога Абакан — Тайшет, дорога к Самотлору, дорога к стартовым площадкам космического Байконура.

Было еще великое множество дорог — всяких, непохожих одна на другую, больших и малых, главных и второстепенных, северных и южных. Но все они — все, без исключения! — навсегда слились в нашей памяти и жизни в одну великую магистральную дорогу — дорогу Родины нашей, стремительную и победоносную дорогу Советской Отчизны.

Все они связаны между собой надежными звеньями пятилеток, накрепко соединены золотыми звеньями рук и яростным напряжением людей.

Мы часто говорим: «Молодежь — наша смена».

Правильно говорим. Решение самых грандиозных, самых трудных задач доверяем мы нашему комсомолу. И знаем, что он не подведет.

Но только в слове «смена» есть еще один, очень конкретный и важный смысл: независимо от возраста и профессии мы все трудимся в единой р а б о ч е й с м е н е страны!

Смена эта бессонна, и закончится она для каждого из нас только с последним ударом сердца!..

Старый год передает Новому уже утвержденные, а значит, ставшие законом планы и проекты, передает и очень надеется, что они будут непременно выполнены.

Мы тоже верим в это. И понимаем, что завтрашний день страны целиком зависит от нашего сегодняшнего упорства, мастерства и организованности.

Он зависит от нашего умения хозяйствовать и отвечать — именно отвечать — за порученное дело.

Быть просто честным и просто порядочным мало. Могут сказать: «Э-э, вполне хватит, если все будут просто честными!..»

Нет, не хватит. Потому что при этом необходимо еще и участвовать в общей работе, активно вторгаться в жизнь, не проходить мимо того, что нам мешает. Ведь честный и порядочный человек, оставаясь в стороне и ни во что не вмешиваясь, довольно быстро и легко может превратиться в мещанина. Причем злобствующего. К сожалению, так бывает.

Мы очень хотим, чтобы наш завтрашний день был удачным.

Хотим, чтобы слово в нем никогда не расходилось с делом и чтобы как можно неуютнее чувствовали себя в этом дне всяческие прохиндеи, лентяи, бюрократы, болтуны, любители штурмовщины, очковтиратели и всевозможные махинаторы, старающиеся поживиться за государственный счет.

Но старый год передает Новому не только планы, замыслы, практический опыт и добрые пожелания.

Он передает ему еще и свои проблемы. В том числе и наиболее острые, болезненные, почти раскаленные проблемы, которые волнуют все человечество.

И главная из них — проблема сохранения мира, ставшая сегодня проблемой существования самой жизни на Земле.

Партия и государство наше делают все для того, чтобы эту проблему решить. Продуманные предложения Советского правительства, его многочисленные мирные инициативы идут от нашего сердца, нашей доброй воли, опыта и разума.

Однако решение этой жизненно важной проблемы зависит не только от нас. А владельцы монополий, и в первую очередь монополисты США, не спешат прислушаться к голосу народов Земли.

Для них прибыли важнее мира. Поэтому они по-прежнему наращивают военные бюджеты своих государств, по-прежнему надеются на грубую силу, стремятся нас запугать, пытаются добиться военного превосходства.

А для того, чтобы как-то успокоить международное общественное мнение и сохранить «благостный вид», американские руководители время от времени громогласно объявляют о своем «миролюбии» и о «готовности вести диалог» с нами.

Что ж, от диалогов мы не отказываемся. Но они, как известно, бывают разные.

Ведь, в сущности, гонку вооружений тоже можно назвать «диалогом». Диалогом нервов. Диалогом ученых и конструкторов. Диалогом военных доктрин и производственных потенциалов.

Все аргументы в подобном «диалоге», как правило, смертельны, а сам он по сути своей бессмыслен.

Ибо грядущая ядерная война при всех вариантах может кончиться только одним: гибелью всего человечества. Факт этот доказан. Доказан учеными высочайшей квалификации, представителями самых разных стран. И думать, что эти ученые вдруг ошиблись или что они слишком преувеличивают опасность, по меньшей мере глупо. А если называть вещи своими именами: преступно!..

Весной наступившего года мир будет праздновать сорокалетие Победы над фашизмом.

Я не знаю, как отметят эту дату официальные круги Запада, но в одном почти уверен: больших торжеств не будет. А на «малых торжествах» (ежели они состоятся) прозвучат речи, в которых действительная картина прошлой войны наверняка будет искажена и о решающем вкладе Советского Союза в общую победу над врагом, о немыслимых жертвах и страданиях нашего народа не будет сказано почти ничего.

Пожалуйста, не подумайте, будто я выступаю в роли «провидца». Нет, к сожалению, я исхожу из реальной обстановки, из того, что ежедневно и ежечасно пишут, кричат и говорят о нас на Западе.

Тамошние средства массовой информации пользуются антисоветской клеветой как самым главным своим оружием. И пугало «советской военной угрозы» давно уже стало определяющим и чуть ли не единственным символом всей буржуазной пропаганды.

Однако никакая придуманная и нагнетаемая истерия не может заглушить голоса жизни, голоса правды.

Из старого года в Новый шагают по странам и континентам Марши Мира. Между прочим, несколько лет тому назад, когда эти Марши начались, я встретил в одной из солидных западных газет «статью-предсказание», в которой «абсолютно точно» утверждалось, что активное антивоенное, антиядерное движение сторонников мира «скоро должно выдохнуться», сойти на нет.

«Нормальные люди быстро устанут,— вещал некий «знаток человеческой психологии»,— вот увидите: через месяц-другой все эти митинги, демонстрации, лозунги и протесты прекратятся сами собой...»

Автор статьи — да и не он один! — явно не угадал.

Марши Мира с каждым годом, с каждым месяцем, с каждой неделей становятся все мощнее, решительнее и слышнее!

Ибо «устать» бороться за мир нельзя. Ведь это все равно что устать жить, дышать, любить и надеяться...

Мне нравится старая притча о путнике, который увидел однажды около дороги трех работающих людей.

— Что вы делаете здесь?..— спросил у них путник.

И первый буркнул в ответ:

— Камни таскаем, не видишь?..

Второй, вздохнув, ответил:

— Да вот, на хлеб зарабатываем...

А третий сказал, выпрямляясь:

— Дом строим!..

Все трое сказали сущую правду, но каждый сказал ее по-своему.

И ответ третьего мне нравится больше других. Ибо человек, ответивший так, все-таки яснее ощущает, во имя чего он трудится. Этот человек видит цель своей работы, а когда видишь реальную цель, то и тяжеленные камни, которые тебе приходится таскать, становятся чуть полегче, а заработанный хлеб — вкуснее.

Вот и мы — люди, живущие в самых разных городах и деревнях нашей страны,— добывая руду, нефть или уголь, прокладывая дороги или газопроводы, возделывая хлеба или хлопок, скитаясь по тайге с геологическими партиями или качаясь в океане на рыболовецких траулерах, проектируя заводы или сочиняя романы, сидя за штурвалом самолета или пультом ЭВМ, держа в руке скальпель, мастерок или дирижерскую палочку, радуясь и печалясь, веря и мечтая, уставая и добиваясь, мы, люди, все вместе строим свой дом.

Свое многонациональное Отечество, Советскую Державу.

Да, нам бывает нелегко, но мы строим свой дом! Строим, несмотря ни на какие угрозы и невзгоды!

Да будет дом этот еще прочнее и еще краше в наступившем году!

Да будет он традиционно распахнут для всех друзей и по-прежнему неприступен для любых врагов!

С Новым годом!

1 ЯНВАРЯ 1959 ГОДА НА КУБЕ ПОБЕДИЛА РЕВОЛЮЦИЯ.

В ДЕВЯТЬ НА КАФЕДРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ

Сергей МАРКОВ

...И вот я вернулся на Кубу. Я вышел из гостиницы «Ривьера» на Малекон и тут же — бывает такое!— встретил своего друга, с которым, когда я учился в Гаванском университете, мы виделись чуть ли не каждый день.

— Дьос мио!— вскрикнул Эвелио Лекур, скульптор, философ, замечательный парень.— Эрес, ту, Серхио?!

— Си!— Мы обнялись.

Потом пошли, вспоминая, перебивая друг друга. Эвелио рассказывал о последней выставке, о премии, которую получил в прошлом году, о наших общих друзьях... Я рассказывал о том, что привело меня в Гавану: полнометражный совместный советско-кубинский документальный фильм о Кубе. Режиссер — лауреат Ленинской премии Тенгиз Семенов, а я — соавтор сценария.

Как и пять лет назад, стремительно опускались сумерки. Пахло теплым бензином. Стучали каблуки. «Р-рельде!»— вопил разносчик газет с огромной сигарой во рту. Он продавал молодежную газету «Хувентуд Ребельде».

Мы пошли мимо автобусных остановок, открытых кафе и кинотеатров.

— А что за фильм будет?— спросил Эвелио.— О чем конкретно?

— О Кубе, я же тебе говорю! О людях Кубы... отснято уже много пленки. Но будем еще снимать — и здесь, в Гаване, и в других местах, и в Москве... «Взошла и выросла свобода» — есть такая строчка у Николаса Гильена, да? Может, так и назовем фильм.

— А с кем встречались? Кого снимали?

Я рассказал Эвелио, как мы снимали председателя одного из кооперативов провинции Орьенте Карлоса Альменареса.

Альменареса, председателя сельскохозяйственного кооператива, который носит имя его сына — тоже Карлоса...

Мы приехали в поселок как раз в то время, когда кубинские кинематографисты заканчивали работу над художественным фильмом о председателе. Вокруг толпились мужчины, женщины, ребятишки. Карлос Альменарес сидел на скамеечке с актером, исполнителем главной роли. Курил сигару. Что-то рассказывал. Вспоминал, может быть, своего погибшего сына... Вспоминал, как собирался переехать с женой в город, где у них благоустроенная квартира, как почти уже собрался, но сын уговорил его остаться. Убедил, что землянам, строящим новую жизнь, необходим его огромный опыт общения с землей. Карлос Альменарес-старший, потомственный крестьянин, возглавил создававшийся тогда кооператив. А сын боролся с неграмотностью, учился сам, строил дома и заводы. Был призван в армию и служил отлично. Карлоса-младшего избрали секретарем комсомольской организации части...

— Вот его первый башмачок,— говорил нам председатель поздно вечером, когда мы пришли к нему в дом, и показывал малюсенький кожаный ботиночек с потрепанным язычком.— Мы с матерью мечтали: вот подрастет Карлос, станет врачом, и ему приятно будет увидеть этот башмачок...

Председатель листал альбом с фотографиями, и по жесткой щеке его текла слеза. Тихо было. Лишь тикали часы на подоконнике и поскрипывала распахнутая настежь входная дверь. Председатель вспоминал свои споры с сыном — обо всем на свете: о бейсболе, о погоде, о политике...

— Он был великий спорщик, наш Карлос... Его все уважали здесь — и где бы он ни был — за принципиальность. За честность. За умение держать свое слово. Слово мужчины... Его помнят, его любят до сих пор... все... Он погиб далеко, в Африке — он выполнил свой долг гражданина... интернационалиста... Если бы не он, наш Карлос...— председатель замолчал.— Сын... знаете, сын изменил всю мою жизнь...

Больше он не мог говорить. И мы молчали.

...Мы с Эвелио свернули направо и вышли на Двадцать третью улицу Ведадо. Было совсем уже темно. Лишь в конце улицы, над океаном небо еще зеленело, но тоже прямо на глазах наливалось густо-синим.

— Слушай,— сказал Эвелио,— а помнишь, в девять на Кафедральной площади?

— Конечно, помню!

Это было как пароль — часто мы встречались все на Кафедральной площади, когда темнело, после работы или учебы.

— Помнишь Энрике Капабланку?

— Конечно.

— У него же здесь, в двух кварталах мастерская!

Но в мастерской Капабланки не было. Мы отправились к улице Обиспо, где он последнее время работал с утра до ночи,— реставрировал дома. По дороге я рассказал Эвелио, как утром мы снимали Николаса Гильена. Кубинские наши коллеги сказали, что Николас никого не принимает, плохо себя чувствует, а включить освещение, чтобы снять его, будет вообще невозможно — у Николаса очень больные глаза. Но рано утром мы пришли к УНЕАКу — Союзу писателей и артистов Кубы, который Гильен возглавляет уже многие годы. Подождали около получаса. В белой гуаявере и в широких синих штанах Гильен тихонько открыл калитку, вошел. В руке у него был кусок хлеба. Он остановился у стены и стал крошить хлеб на асфальт, на ступеньки. И тут же со всех сторон, с улицы, с крыши стали слетаться голуби. Должно быть, они каждое утро получают завтрак из рук Гильена. Мы подошли. Объяснили, что снимаем фильм о Кубе...

— Конечно, я готов вам помочь,— согласился Гильен.

А потом мы сидели на скамейке во дворике, и Николас Гильен говорил нам, что в одной телевизионной передаче недавно его спросили: какая песня вам больше всего нравится? И Гильен ответил: «Гимн моей родины». С ним он прожил всю свою жизнь — замечательный, всемирно известный поэт, книги которого переведены чуть ли не на все языки. «Поэт-мулат», как любовно называют его в Латинской Америке.

Гильен говорил нам, что он — счастливый человек. Счастливый потому, что за восемьдесят с лишним лет своей жизни достиг-таки согласия с самим собой. Много повидал, много написал, много любил. Жил так, как чувствовал, и чувствовал так, как жил. Сохранил верность своим убеждениям — всю жизнь был предан делу коммунизма, в партии — полвека. Его любит народ. И он бесконечно любит свой народ и чувствует перед народом огромную ответственность... Он счастлив потому, что видит: все больше расцветает Куба, его родина. В людях расцветают лучшие человеческие качества: причастность к чужой боли, милосердие, потребность творческого созидания, талант видеть и понимать прекрасное...

...Энрике Капабланку мы увидели на строительных лесах одного из домов на улице Обиспо. За последние год-два эта улица и вся старая Гавана изменилась необычайно. Отреставрированы фасады многих домов, им возвращен первоначальный вид — с фонарями, решетками, балкончиками... Если пять лет назад Энрике (кстати, племянник великого шахматиста) говорил о планах реставрации и перестройки старой части города, то теперь работа кипит в буквальном смысле слова. С тех пор как Гавана была объявлена уникальным историческим памятником, кубинским реставраторам и строителям помогают иностранные мастера, приехавшие по линии ЮНЕСКО.

С Эвелио и Энрике мы вышли на Кафедральную площадь. Против собора, в центре площади стояла сколоченная на один этот субботний вечер эстрада. На эстраде — давние наши приятели, певцы «Нуэва трова».

...В 1967 году в кубинском «Доме Америк» проходила встреча, посвященная песне протеста. На этой встрече и было основано музыкальное течение, которое объединяет сегодня почти две тысячи певцов. «Нуэва трова» возродила традиции кубинских тровадоров прошлого века. Они бродили по стране с гитарами и песнями о любви, свободе, родине, поднимали кубинцев на бой против испанских колонизаторов.

Площадь полна народу. В свете прожекторов собор серебристо-голубой. И деревце, растущее из карниза, голубое. Выходит Сара Гонсалес. Настраивает гитару...

Несколько лет назад, когда в Москве проходили Дни кубинской культуры, зал Кремлевского Дворца съездов, лишь только стих последний аккорд песни «По героям не плачьте, их помнит земля», взорвался аплодисментами. Всего одну песню спела Сара Гонсалес в студеной январской Москве, и эта песня сломала и языковые, и географические барьеры. Москвичи аплодировали ей стоя!

Я слушал Сару Гонсалес на Малеконе и в Национальном театре, дома и здесь, на Кафедральной площади... Спокойно ее слушать нельзя. Каким бы спокойным ты ни был. Мне всегда казалось, что она сама не сознает до конца силы, глубины воздействия своего голоса, словно вырывающегося из самой души. Нередко Сара пишет музыку на слова Пабло Миланеса, одного из основателей «Нуэва трова».

Он тоже здесь, на Кафедральной площади,— Паблито, как ласково называют его кубинцы. Даже самые гостеприимные хозяйки оставляют свои дела на кухне, телевизоры включаются на полную громкость, когда на экране появляются его очки в массивной роговой оправе и черная шевелюра, напоминающая большой, аккуратно подстриженный куст садового лавра. А что творится в залах, на площадях! Тровадор Сильвио Родригес рассказывал мне, как они с Пабло выступали на огромной площади в Испании, и все — молодежь и старики — подхватили его знаменитую «Жизнь ничего не стоит, когда рядом с тобой убивают, а ты продолжаешь петь, ничего не слыша...».

Сара и Пабло поют на два голоса красивую грустную песню о голубом и зеленом. Замерев, слушает их площадь. Мы с Эвелио и Энрике стоим в углу, рядом с мастерской графики. В черном небе покачиваются серебристые звезды. И хорошо очень на душе — будто и не уезжал я из Гаваны, а был тут, рядом с друзьями, каждую ночь видел эти удивительные звезды и слушал музыку, и смотрел в лица, открытые, добрые, и снова и снова объяснялся про себя в любви Кубе, чудесному острову Свободы.

Гавана — Москва.

С. Ефошкин. Род. 1960. ВЕЧЕР.

Н. Сидоров. Род. 1960. ПОРТРЕТ СТУДЕНТКИ.

И. Наскалов. Род. 1961. СЕБЕРИНО.

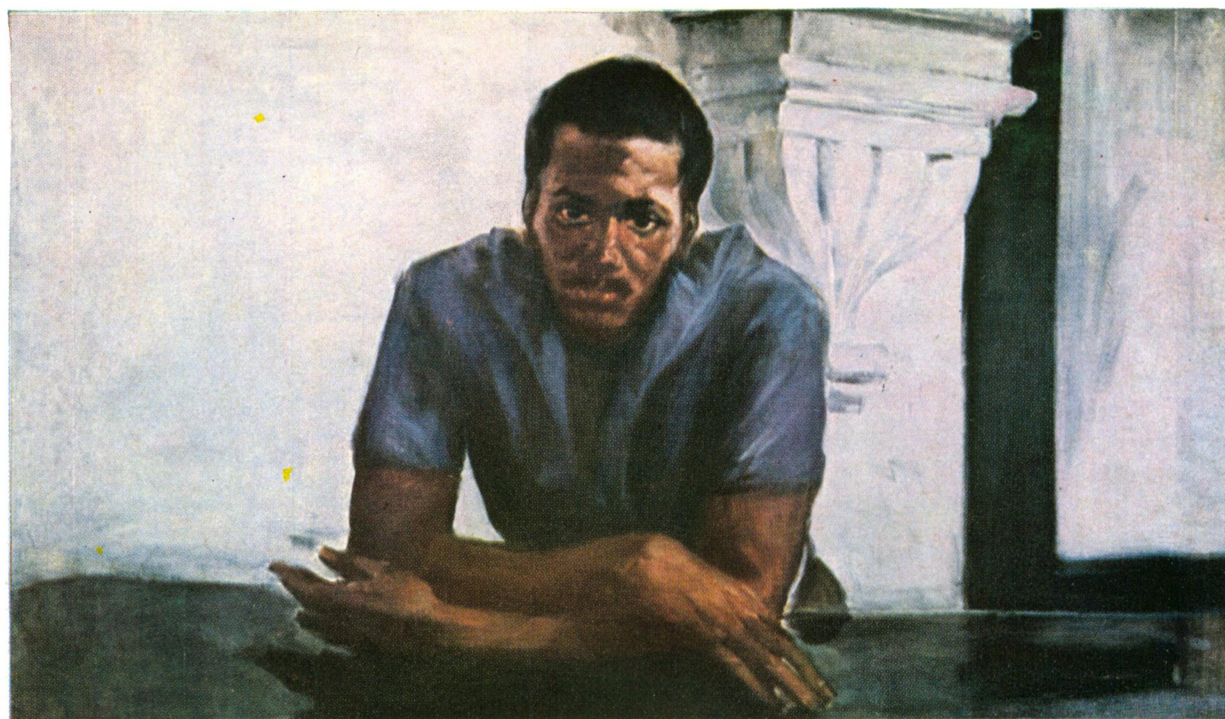

С. Ефошкин. СЕМЬЯ.

А. Солдатов. Род. 1960. ПОРТРЕТ ИОЛАНТЫ.

А. Солдатов. ПОРТРЕТ ПИАНИСТА.

НА ПОЛОТНАХ — КУБА

Солнечная, щедрая на яркие краски природа Кубы не может оставить равнодушным человека северных широт. Кто любовался лазурью омывающих ее вод, бездонной синевой неба, белыми пляжами, буйной зеленью долин и гор, тот навсегда сохранит в своем сердце память о встрече с этой страной.

Для нас, советских людей, этот карибский остров обладает особой притягательной силой. Истинная слава Кубы — в ее революции, ставшей заметной вехой в истории современного мира. Она — в героических подвигах, совершенных кубинскими патриотами во имя освобождения своего народа от диктаторского режима и эксплуатации человека человеком, а родины — от чужеземной кабалы. Она—в мужестве ее народа, с честью отстаивающего свои революционные завоевания от посягательств американского империализма.

Советские люди с большой любовью относятся к братскому кубинскому народу, воспринимают строительство нового общества в первом социалистическом государстве западного полушария как свое кровное дело. Особенно эмоционально относится к кубинскому народу советская молодежь, которую увлекают романтика его революционного подвига, его мужество в отстаивании своих идеалов социальной справедливости и мира между народами.

Недавно на Кубе побывала группа Московского государственного художественного института имени Сурикова. Это молодые художники из мастерской народного художника СССР, профессора И. С. Глазунова. По приглашению Союза молодых коммунистов Кубы С. Ефошкин, И. Наскалов, Н. Сидоров, А. Солдатов приехали на остров Свободы. Они встречались со своими коллегами, много ездили по стране.

— И в Гаване, и во время поездок по провинциям нас буквально захлестывал трудовой ритм, в котором живет страна. Нам по душе живые, открытые характеры людей, их экспрессивность и дружелюбие,— говорит Игорь Наскалов.

— И потому теперь у нас на Кубе осталось много друзей,— добавляет Сергей Ефошкин.— Ведь мы были и в деревнях, и на заводах, и в школах. А очень часто устраивались с мольбертами прямо на улице. Стоило начать рисовать, как нас окружала толпа народа. Даже поток машин останавливался. Настроение людей было приподнятое, радостное. Они восторженно смотрели на то, как на их глазах появлялся портрет одного из них.

Советские художники провели на Кубе больше месяца. Вчетвером они создали более 240 работ — репортажные зарисовки, портреты, пейзажи и жанровые композиции. Выставка этих ярких, светлых по ощущению, талантливых работ, устроенная в Гаване, была открыта членом Политбюро ЦК Компартии Кубы, министром культуры А. Хартом. Отметив ее вклад в развитие культурных отношений двух стран, он указал на важность такого рода культурных обменов.

О. ДАРУСЕНКОВ

«Я — «ГОЛОС»

Самым памятным и необычным новогодним праздником для меня была встреча 1945 года. Представьте себе несколько землянок в глухом лесу, в предгорьях Бескид, неподалеку от занятого гитлеровцами Кракова... За самодельным столом, который занимает почти всю землянку, сидят мои разведчики. Тут же очаровательные польки — Ингебора, жена нашего партизанского доктора Яна Новака, и отчаянная связная Валерия. Разговор идет на смеси русского, польского и немецкого. Ребята шутят насчет того, что впервые в новогоднюю ночь заяц уплетает подарки от волка... Дело в том, что сын польского помещика Скомского — истинный патриот, антифашист — сотрудничает с нами, у него партизанская кличка «Волк». Он доставил нам к празднику ветчины, сала, даже концентраты грибного супа в виде кубиков. А фамилия связной Валерии — Зайонц, то есть заяц. Это жена польского офицера, руководителя подполья 10-го Краковского округа, с ним наша разведка тесно сотрудничает.

В нашей землянке встречает Новый год и немецкий инженер. Один из руководителей строительства оборонительных сооружений Краковского укрепрайона гитлеровцев. Мы его выследили и, образно говоря, пригласили в лес. Теперь он вот уже который день добросовестно восстанавливает по памяти чертежи, а мы передаем все это в штаб 1-го Украинского фронта.

Наша спецгруппа работает на штаб фронта. Моя кличка «Голос». Это уже после войны, когда снимался художественный фильм (на исторической, правда, основе) о спасении Кракова от разрушения отступающими гитлеровцами, вот тогда создатели фильма назвали руководителя группы советских разведчиков «майор Вихрь». Я разъяснял читателям, что в годы войны никаким Вихрем не был, даже книжку написал «Я — «Голос», но до сих пор идут письма по адресу: Киев, майору Вихрю. И, что странно, доходят до адресата!

Тогда в землянке очень сожалели, что отсутствует мой заместитель по разведке. Он в то время уже ходил в фашистском мундире: «служил» в команде «Абвер-315». Сожалели, что нет нашего агента по кличке «Правдивый». В лицо его, кроме меня, в лагере никто не знал, но сведениями он снабжал нас ценнейшими. «Правдивым» агентом нашим был сам начальник специальной команды военной разведки немцев в Кракове «Абвер-315». Член нацистской партии, он в годы войны понял, что Гитлер ведет Германию к катастрофе. Решил бороться за новую, демократическую Германию. Упорно искал связи с советским подпольем, но только в Кракове это ему удалось. Гестаповцы схватили нашу радистку и передали в «Абвер-315» для использования в провокационных целях. Через нее он и вышел на нашу группу... Кстати, о послевоенной судьбе «Правдивого» я ничего не знал более четверти века.

С хорошим настроением встречали мы 1945 год. Незадолго до полуночи радистка Анка Жукова настроилась на Москву. В упрятанную под снегом и буреломом землянку ворвался праздничный шум Красной площади, и начали отбивать часы куранты Кремля... На трех языках мы говорили самые теплые слова друг другу. Нам выпала судьба чуть дальше, чем другим, предвидеть события. Мы провозглашали тост за скорую и окончательную нашу победу! За новую, свободную Польшу! За новую, демократическую Германию! Тостов было много. На эту ночь я отменил сухой закон, который строго соблюдался в нашем лесном лагере.

Евг. БЕРЕЗНЯК,
кандидат педагогических наук

Киев.

БЫЛО ТЕПЛО И НАДЕЖНО

Каждый раз под Новый год таскали из дому кто что мог — кто картошку, кто тыкву, кто патефон с пластинками... Приносили все это в свои палаты и непременно вместе с больными сидели до 12 ночи. А потом, пожалуйста,— кто куда. Раненым больным требовался покой.

Но 1945-й встречали особо: устроили елку и всех, кто мог передвигаться, проводили к елке, в клуб. Там был и концерт и шефская школьная агитбригада приехала. Настроение отличное. Все чувствовали, что наступает год, который принесет нашему народу полную победу над врагом.

В эту новогоднюю ночь было тепло и надежно. Мы добрым словом поминали наш родной дом, которому, кстати, в январе наступающего года исполняется 176 лет. Ведь военный госпиталь в нашем городе основан в 1808 году. Здесь в разное время работали большие русские ученые-хирурги и сам Николай Иванович Пирогов, когда ему было всего 37 лет. В этих палатах, рассказывали мы раненым, лежали герои Крымской кампании 1853—1856 годов, герои русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Сами стены сохранили их боевой дух, как хранят они и сегодня дух дорогих защитников Советской Родины, солдат и офицеров самых разных народов нашей земли.

Ах, какими мы были тогда молодыми! Только накануне войны окончили медицинские техникумы. И Мария Семеновна Ширшова была просто Машей, а Тина Сергеевна Кикава просто Тиночкой. Русским именем Галя окликали больные Гаянэ Мартиросовну Ханзулян. А меня еще в горной деревне, где я родилась, почему-то звали Шурой, несмотря на Людмилу в паспорте. И было нам по 20—23 года, не больше. Но мы уже навидались много страданий и, наверно, потому, что работали в тыловом госпитале, как говорится, «пороху не нюхали», старались особенно быть прилежными, старались во что бы то ни стало выходить своих, как правило, сложных и тяжелых больных. Иногда приходилось провожать их домой калеками, слепыми. Сердце обливалось кровью...

Это милосердие к человеку, воспитанное суровым военным временем, осталось навсегда в нас, ветеранах госпиталя. А таких одних только медсестер в строю у нас 23. Мы помним, мы знаем, что мы сестры военных...

Л. ГОГЛИДЗЕ,
медицинская сестра Тбилисского окружного военного госпиталя, отличник здравоохранения

Юрий БОНДАРЕВ

Игра

РОМАН

Рисунки Е. БОНДАРЕВОЙ, А. УСТИНОВИЧА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В такси по дороге из аэропорта Крымов чувствовал недомогание, испарина выступила на висках, было душно, жесткий воротничок прилипал к потной шее, и он несколько раз опускал стекло с ожиданием облегчения, откидывался на заднем сиденье — тогда летний сквозняк, пропитанный теплыми выхлопными газами, обдувал его влажное лицо.

Он смутно удивлялся праздному многолюдству в эти часы на остановках автобусов, у магазинов (когда же люди работают?), видел утреннее сверкание солнца в листве, в стеклах витрин, а перед глазами каруселью вращались другие улицы, витрины, столики на тротуарах под тенью красных тентов, другие толпы, одетые в пестрое, цветное, другое солнце, знойное даже в раннее время. И эта сверкающая, как в дурмане сна, карусель высокомерно стирала, чем-то унижала скромность московских улиц, всегда грустно трогающих при возвращении из-за границы домой. Но неприятно было то, что в прошлые свои приезды он не ощущал такого болезненного удушья в горле, как будто подкатывали и застревали невылитые рыдания. Он не понимал, что происходило с ним, готовый смеяться над собой и презирать себя за сентиментальность, для которой не было причин.

Да что такое? Ведь все было прекрасно в этом гостеприимном Париже — шесть дней праздничной заграничной шумихи, ни к чему не обязывающих приемов, кондиционированных кинозалов, коктейлей, дискуссий, ночных шоу в кабаре со сладко-пахучим багровым полумраком, бархатными диванами, бледными женскими телами на сцене, а утром тщательное бритье, в завтрак две чашки кофе, придающих бодрость, просмотры фильмов и, наконец, почетный приз за режиссуру, неожиданный и ожидаемый. Все было на фестивале удачным и благосклонным, но от этих приятных и сумбурных дней за границей оставался вязкий привкус горечи и стыда, о чем не хотелось вспоминать.

Он закрыл глаза, стараясь настроиться на прежнюю московскую жизнь, на ее привычный ритм, где снова студия, худсоветы, подготовка к съемочному периоду, но почему-то нарастало раздражающее беспокойство, и он подумал: «Я вернулся раньше срока и два дня отдохну дома».

Но сейчас, когда уже подъехали к дому на Ленинском проспекте, повернули во двор под ветви тополей, когда он вошел в каменную прохладу подъезда, в исцарапанную кабину лифта, затем увидел знакомую лестничную площадку и обитую коричневым дерматином дверь с кнопкой поющего в передней звонка, он не мог преодолеть томившее его чувство, сдавливающее горло слезами, и вынужден был для успокоения немного постоять на лестничной площадке.

Он позвонил четырехразовым звонком (семейный шифр), прислушался и позвонил вторично, ожидая услышать за дверью голос жены, дочери или сына, однако за дверью — тишина, ползли невнятные шорохи в квартирной пустыне: дома, по-видимому, никого не было.

«Счастливыми объятиями меня встречают любимая жена и любимые чада»,— подумал он, усмехаясь.

И, открыв дверь своим ключом, втащил чемодан в переднюю, опахнувшую теплотой домашней пыли, увидел себя в зеркале, утомленного, и вдруг почувствовал, что все-таки ему нежданно-негаданно повезло. Да, он чертовски устал, и хотелось побыть одному, и помолчать, и полежать на диване в бездумной расслабленности, и полистать журналы, просмотреть газеты, пришедшие за его отсутствие письма.

Сбросив пиджак, он прошелся по комнатам. Ясно: семья уехала на дачу, окна во всей накаленной квартире были наглухо закрыты, закупорены шторами. Всюду стояла спертая духота, кое-где на паркете, на коврах, на мебели лежали проникшие в щели штор солнечные нити, а в кухне с незанавешенным окном пахло горячей клеенкой, и счет за телефонный разговор, упавший на пол с тумбочки, пожелтел на солнцепеке, полузакрученный в трубочку.

Каждый раз, когда он возвращался из-за границы, было ощущение длительно прожитого вдали ненастоящего, придуманного игрой жизни периода, и ему, переутомленному этой игрой, надо было в разговорах с друзьями освободиться от чего-то коктейлеобразного, многоречивого, ресторанного, чем вынужден был заниматься некоторое время, теша честолюбие, наслаждаясь собственным любопытством.

И сейчас хотелось смыть с себя душевно тяжкую и вместе игрушечную усталость от своих улыбок, интеллектуальной болтовни, парфюмерную сладость чужого туалетного мыла, в котором было нечто нарочито женственное, химический запах синтетики, пропитавший парижские кинозалы и номер отеля,— все, что было уже прожито.

Холодный душ омывал его дождевыми иголочками, вода плескалась с весенним, свежим шумом. Дверь в ванную была открыта, и, казалось, морское эхо отдавалось в пустой квартире. Растираясь полотенцем, он босиком ходил по комнатам, голыми пятками по нагретому паркету и, еще не одеваясь, в столовой сказал вслух: «Ладно, все пройдет и все проходит»,— налил рюмку коньяка, выпил, колючая волна ожгла его, и как бы стало легче.

Потом он лежал на диване в кабинете, просматривал вынутые из переполненного почтового ящика журналы, газеты, разные приглашения на встречи, на выставки, разбирал письма, но не читал их, проглядывал обратные адреса, надеясь встретить знакомую фамилию. И, будто споткнувшись глазами, с медлительностью отложил на угол журнального столика голубоватый конверт, где резко бросился в глаза незнакомый официальный штамп «Главное управление Министерства внутренних дел», сразу вызвав у него скользкую тревогу.

«Значит, началось снова... вернее, все продолжается?» И, помедлив, Крымов надорвал конверт, бегло прочитал, что ему, Крымову Вячеславу Андреевичу, следует явиться 4 июля (это же через три дня!) к следователю Токареву по адресу: Петровка, 38, второй этаж, комната 200, имея при себе паспорт или документ, удостоверяющий личность. «Зачем второй раз? Мы уже встречались с ним на студии. Да, Токарев Олег Григорьевич, воспитанный, умный молодой человек с аккуратными усиками. Но что бы со мной ни было, я на Петровку не поеду, милый Олег Григорьевич, я не хочу, чтобы вы стали тенью того, что случилось».

Он в раздумье отложил повестку и начал проглядывать рецензию на фильмы парижского фестиваля, чувствуя какую-то фальшивость принятого минуту назад решения и вульгарную искаженность в оценке своего фильма, наивное противопоставление «социалистической нравственности и душевной чистоты жестокости западных героев, внутренний мир которых напоминает пустую раковину».

«Ну и ловкие ребята наши рецензенты, только зачем этот жалкий примитив? — И Крымов сердито засмеялся, отчетливо вообразив мясистое лицо знаменитого американского режиссера, по родителям выходца из России, человека талантливого и ядовитого, показавшего на фестивале потрясший всех фильм «Содом и Гоморра» — о гибели сумасшедшего дома, что символизировало смерть человечества, утратившего милосердие.— Мой оппонент Джон Гричмар похохотал бы со мной вместе. «Чистота», «нравственность», «высота» — какие стершиеся слова, бог ты мой, взяли мы себе в доказательство и защиту, вооружились ими с ног до головы. Мы, избранники, присвоили себе ангельскую непорочность, невзирая ни на что, оставив все сатанинское за бугром».

Он уже с раздражением начал читать другую рецензию, где вновь замелькали назойливые фразы о сексе, патологии, безнравственности в фильме Джона Гричмара, и не дочитал до конца, отбросил газету, повторяя вслух:

— Кретинизм, черт бы его взял, кретинизм...

Они вместе получали премии, вместе приглашались на ленчи (два режиссера двух великих держав), каждый вечер встречались в баре отеля после просмотров кинокартин и, встречаясь, угощали друг друга виски и водкой больше чем надо, хотя американца перепить было невозможно, две ночи по приглашению Гричмара провели в клубах, всякий раз спорили о судьбах России, до взаимной неприязни разъединенные противоположностью позиций и в то же время чем-то объединенные, может быть, неутоленным любопытством одного к другому.

Вторая ночь в клубе была особенно изнурительна яростными спорами, чрезмерностью пития и зрелищ, а утром в вестибюле отеля перед просмотром он с больной головой листал на столике «Пари-матч», моля обстоятельства освободить его сегодня от коктейлей, туго завязанного галстука, от разрушительного яда Гричмара и дать возможность передохнуть, сделать вдох и выдох, бездумно побродить по вечерним улицам Парижа. Огромный вестибюль, не с французской, а с восточной роскошью застеленный толстыми коврами, американское роскошество зеркал, широкие кресла, диваны, обитые красной синтетической кожей, движение фигур возле стеклянных дверей и конторки портье, приглушенные голоса, горькие и теплые запахи сигарет и духов — все было обычным для отеля, виденным не раз Крымовым в других странах, и он изредка скользил взглядом по знакомым и незнакомым лицам продюсеров и режиссеров, до гладкости выбритым или бородатым (два равно встречающихся типа лиц в современном мире), по затянутым спортивным фигурам кинозвезд и неизвестных знаменитостей, прелестным, молодым и молодящимся, со следами ночи в чересчур блестящих глазах. Но что-то мешало его привычному наблюдению, то ли тяжесть в голове, то ли ртутная яркость в глубинах зеркал, и он видел одновременно всех в этом пространстве утреннего вестибюля, собравшихся после завтрака, и вдруг покрылся испариной, подумав, что все они вместе замечают его наблюдающий взгляд. Он перевел внимание на страницу в «Пари-матч» и в ту же минуту услышал их смех, снисходительно-насмешливые фразы, они говорили о его невежливом любопытстве, с каким он не имел права разглядывать их, и тотчас почувствовал почти физическое прикосновение на своем лице. Он поднял голову от журнала и увидел, что кто-то из группы продюсеров и режиссеров смотрит на него со спокойной пристальностью, кто-то очень знакомый, с проседью, в сером костюме человек, которого он не однажды встречал. «Я знаю его, но кто это? Кто?» И, точно выныривая из давящей толщи, он стал постепенно узнавать прическу, лоб, седину в волосах, галстук, стараясь встретиться с человеком глазами, но отдаленные глаза не встречались, были в тени, оттуда неподвижно смотрели в его сторону — и с внезапно окатившим потом слабости, боясь, что задохнется сердце, он понял наконец, на кого похож был этот человек...

Несомненно, причиной галлюцинаций могло быть нервное перенапряжение, он слышал о разного рода стрессах у людей его профессии, но не знал, что подобное бывает именно так. «Невозможно, глупости, чепуха! Дурман какой-то!» И тогда он встал, бросил журнал на столик и, переживая решимость военных лет, твердо и прямо пошел к этому человеку, стоявшему в толпе продюсеров. Но человека в сером костюме уже не было... На его месте стоял французский режиссер Клод Мелье, сухой, жилистый старик фривольного вида, что придавали ему подкрашенные куцые ресницы, он не без светской любезности поклонился Крымову, показывая еще влажные от туалетной воды, мастерски начесанные на плешь волосы. И неизвестно зачем Крымов тоже поклонился, выдавил любезно: «Бонжур, мсье» — и, справляясь с неловкостью, прошел мимо в конец вестибюля, к бару, там, как всегда, увидел за стойкой Джона Гричмара, обрадованно замахавшего рукой. Гричмар пришел в этот миг как спасение: «О, я тебе рад, Вячеслав!»

Через день нечто похожее повторилось в самолете, где, казалось, все заграничное, превышенно пестрое, ежедневно связанное с душевным напряжением, тратой сил, кончилось и в полупустом салоне родного Аэрофлота с милыми стюардессами было светло, легко, слышалась русская речь... Было удивительно и то, что здесь, на девятикилометровой высоте, оказались две мухи, они ползали по стеклу иллюминатора, до золотистости освещенные солнцем, а по горизонту огромно слепили застывшей курчавостью облачные торосы, и плоская равнина нижних облаков представлялась Ледовитым океаном, сквозь прорехи которого в немыслимой глубине едва виднелись затопленные подводные города, волоски дорог, темные леса.

Крымов смотрел на гигантские лохматые айсберги, на мух, ползающих по иллюминатору, и было весело думать о несоответствии величественной высоты, стерильной белизны облаков и двух путешественниц, залетевших в салон либо в Шереметьеве, либо в аэропорту Орли. Как? Для чего залетевших?

И, подумав об этом несоответствии и неизбежном «зачем», увидел с наслаждением и особой ясностью самого себя чьей-то властью освобожденным от самолета, от его стали и материальности, от кресла, в котором сидел (но сохраняющим эту позу в воздухе), увидел себя летящим над белой пустыней, беспредельным сиянием облаков, омываемым ветром и солнцем.

«Я знаю, что со мной было,— уверял он себя, силясь объяснить свое состояние.— Была реализованная в моем сознании мечта. Мне всегда хотелось иметь летательный аппарат вроде одноместного вертолета. И иногда страстно хотелось в конце дня уйти от всех, подняться с земли, лететь без дорог, опуститься где-нибудь на сказочной поляне, угасающей под закатом, где лесная тишина смотрится в озеро... Но в связи с чем я подумал об этом? Тогда в вестибюле отеля я увидел себя — одинокого человека, хорошо одетого, умеющего творить чужие чувства, но лишнего за границей,— и стало не по себе... Чем объяснить, что я сейчас явственно испытал давление воздуха в лицо, мучительное замирание в груди и полное освобождение от материального?..»

Стройно покачиваясь на каблучках сапожек, улыбаясь встречающей улыбкой, подошла стюардесса с подносом, на котором пузырилась в бокалах минеральная вода, спросила, не хочет ли он боржом,— она приблизилась к нему из светлого салона (вот оно, прекрасное, материальное в образе женщины), а он молчал с нежеланием улыбнуться ей в ответ, слушать милый щебет, смотреть на это внешне совершенное молодое существо, знавшее, откуда он возвращается, и видевшее его фильмы. Все стало грубо реальным по сравнению с мукой томительного замирания в освобожденном полете над бесконечностью закрывших землю облаков. Он отказался от боржома, попросил коньяку и отвернулся к иллюминатору. Этой замкнутости Крымов раньше за собой не замечал. Он на минуту прикрыл глаза, и в гуле, реве реактивных моторов почудился сатанинский вой, крик и плач жертв, духовые оркестры, смешанные с симфоническим громом. Крымов пытался уловить, запомнить какую-то определенную ноту, но железная музыка ежесекундно менялась, нарастала до гигантского рыдания, гремела в уши, как угрожающий всему миру звук Вселенной, и он продолжал думать в полузабытьи: «Ирина... Все сместилось после ее гибели...»

А по стеклу иллюминатора ходили солнечные спектры, беловолосая стюардесса расстелила салфетку, по-прежнему улыбаясь юными губами, вновь спрашивала его о чем-то, он не расслышал, равнодушный к еде и этой ее заученной улыбке. И тут мелькнула неожиданная мысль, что сейчас захлебнутся реактивные двигатели, самолет гибельно споткнется в воздухе и всей стальной массой начнет валиться вниз, падая с высоты.

Как страшно закричит она, эта стюардесса с юными накрашенными губами (никто их уже не поцелует никогда), и как страшно, дико, предсмертно закричит весь салон!.. «А я? — задумался он тогда.— Что сделаю я в тот момент? Буду ждать последнего удара и прощаться с жизнью? Я знаю хорошо, что не буду кричать и молить о пощаде...»

Он поморщился, глядя на мух, ползающих по стеклу иллюминатора, и ему захотелось вернуть нарушенное счастливое состояние — парение, как во сне, голубиным перышком на воздушных волнах, когда нет ни страха, ни обязанностей,— какое блаженство!

«Страх? Я подумал о страхе?»

Телефонный треск будто ударил его в висок, и, за неделю отвыкший от телефонных звонков, он, стряхивая дремоту, вскинулся на диване, машинально потянулся к трубке на журнальном столике. И тотчас отдернул руку: пока еще никому не было известно, что он в Москве, а первый разговор по телефону из дома — это уже быт, обязанность, забота. Ольга не знала, что он приехал на два дня раньше, поэтому не могла звонить с дачи.

И он снова лег, мечтая погрузиться в блаженное плавание забытья, но повторный звонок заставил его снять трубку.

— Да,— тихо сказал он, ожидая услышать бодрый голос директора картины Молочкова, и поторопил, удивленный осторожным дыханием в трубке: — Да, я слушаю, говорите, не стесняйтесь, если уж набрали номер!

— Это я-а,— протяжно запел почти детский голос, засмеявшись.— Здравствуй, папа́. Ты приехал? А я позвонила наугад — и неожиданно ты подходишь. Просто потрясающе! Мы на даче. По просьбе мамы я звоню тебе из автоматной будки возле пляжа. Она предчувствовала, что ты приедешь. Я рада, папа...

— Танька, милый мой пес! — заговорил Крымов растроганно, с внезапной хрипотцой.— Я тебя не видел и не слышал целое столетие. Как вы жили без меня? Как мама?

— Мама́? Потрясающе.

— В каком смысле потрясающе?

— Я думаю, что мама — самая красивая женщина в мире, и она очень скучала без тебя. Это по секрету. Не выдавай. Знаешь почему? Вечерами одна сидела в твоем кабинете и читала... О ужас! — Она озорно завизжала.— Тут к автомату подошла целая компания за мной и монеткой стучат в стекло. Папа, я рада, и мы тебя ждем! Пока! Машина в гараже. Мы добрались на электричке.

— Передай маме, что я задержусь по делам в Москве, приеду завтра,— сказал Крымов и, слушая звуковые пунктиры в трубке, опущенной дочерью в неведомой автоматной будочке возле загородного пляжа, внятно ощутил вкус Ольгиных губ, ее вопросительный взгляд темных глаз снизу вверх, когда она подставляла губы при встрече, ее ласково-спокойное: «Ну вот и ты»,— и с неприязнью к себе подумал, что способен не говорить ей правду, скрывать то, что унизило бы ее, не виновную ни в чем.

И насильно взбадриваясь, он соскочил с дивана, раздернул штору, раскрыл окно в солнечную искристость тополиной листвы, вдохнул асфальтовый жар городского дня. Лицо защекотал тополиный пух, летевший по всему Юго-Западу Москвы, поплыл в кабинете, и Крымов сдунул пух со щеки, подошел к зеркалу, сделал гримасу, удовлетворяясь тем, что утром в отеле тщательно побрился перед выездом в аэропорт. В свободные дни он не любил неопрятности, которую допускал во время работы, забывая бриться и отдавая предпочтение заношенным курткам и свитерам.

«Знаю ли я его? — подумал он иронически, узнавая в зеркале усталого, седеющего человека с прищуренными серыми глазами, кровно родственного и вместе с тем незнакомого, и вдруг вспомнил утренний вестибюль отеля, того, другого человека, с несвежим лицом в толпе знаменитостей, праздного, хорошо одетого, чужого здесь, и содрогнулся от стыда, от бессмысленности шести дней в Париже.— Что же это за дьявольщина? Кажется, я живу какой-то нереальной, косвенной жизнью. Хожу, ем, произношу слова, езжу за границу, получаю никому не нужные премии, а душой там, в том страшном июньском дне, когда погибла Ирина».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Как обычно, он вошел в приемную уверенной походкой человека, знающего, что здесь перед солидно обитой благородной кожей дверью, не пропускающей студийные шумы в недра директорского кабинета, его встретит неизменно приветливая, аккуратно причесанная секретарша, и в ее сопровождении он войдет в кабинет, обласкиваемый издали всплеском рук Балабанова, басовитым возгласом: «Ба, кто к нам собственной персоной!» И, распространяя уважительную доброту, умиление, из-за огромного письменного стола выкатится жизнерадостным старым ежом Иван Ксенофонтович и распахнет объятия, точно готовый умереть тут же, на месте, от заблиставшего в его кабинете ослепительного солнца.

В это утро Крымов, несколько разбитый после скверной ночи в Париже и после самолета, вошел в приемную Балабанова, с некоторым усилием выказывая секретарше дружелюбную беспечность: «Как самочувствие, Ниночка?» И тотчас что-то новое передалось ему в ее вялой ладошке, в пустоватом взоре поверх его головы, и было что-то новое в ее фразе, когда, не пропустив его, она мгновенно скрылась за дверью: «Я сейчас узнаю». И через минуту, кивком пропущенный ею в кабинет, он почувствовал, что ветер, должно быть, изменил здесь направление со дня его отъезда во Францию.

— А, заходи, заходи, парижанин! — проговорил грудным басом Балабанов, против обыкновения сидя за столом, не подымая ежеподобной головы от бумаг, которые вроде бы сосредоточенно читал, и рукой махнул на кресло против стола.— Прошу. С приездом. Остальные послезавтра прилетают? Н-да-с. Поздравляю с международным призом. Капитализм гнилой отметил, и слава богу. Пусть чихают и утираются. Ну а что раньше времени прискакал, Вячеслав Андреевич? Париж есть Париж, модные женщины, роскошные витрины, бары, кальвадос...— продолжал он гудящим голосом, углубленный в бумаги, прикрывая опущенными бровями крошечные глаза.— А ты раньше сроку? Неясно-с. Игривый город, игривый... Н-да-с!

И Крымов, увидев эту фальшивую занятость, равнодушное небрежение, чего даже в намеке нельзя было представить месяц назад, сел в кожаное кресло и нетерпеливо поморщился при последней фразе Балабанова:

— Кто-то хорошо сказал о Париже: город городов...

— Бары, витрины, кальвадос — ребяческая сказка для взрослых дураков,— с досадой перебил Крымов, бросая недокуренную сигарету в чистейшую пепельницу на столе Балабанова, наполненную скрепками.— Вы, насколько я понимаю, серьезно заняты, Иван Ксенофонтович. Может быть, зайти, когда вы освободитесь от увлекательного чтения? Назначьте время — я подожду.

— Н-да-с, дорого куплен контрабас... Н-да-с, все мы дураки.

Балабанов раздвинул одутловатые веки и астматически задышал, засучивая рукава сорочки, как для борьбы, недовольно повел раскосмаченными бровями в сторону пепельницы, затем, словно дохлую мышь, взял двумя пухлыми пальцами окурок и бросил его в мусорную корзину под столом, поплевал на пальцы.

— Н-да-с, сожалею, бросил курить пять лет назад,— проговорил он напоминающе и в настороженной рассеянности пошевелил бумаги на столе.— Чем мне обрадовать вас, многоуважаемый Вячеслав Андреевич? Очень хотел бы обрадовать, очень, но чем?

— Ничем сверхъестественным,— ответил Крымов, еще не вполне догадываясь о причинах этой сухости и уклончивости Балабанова.— Раньше срока я приехал из игривого, как вы заметили, города только потому, что через месяц начинаются съемки моей картины. Меня интересует сейчас главным образом только это,— договорил Крымов, подчеркивая нежелание подделываться и подстраиваться под что-то новое, создавшееся в его отсутствие, и, подчеркнув «только это», спросил официально-любезным тоном: — Надеюсь, Иван Ксенофонтович, на студии не изменилось отношение к моему сценарию? Если изменилось, то в чем?

— Всею душою хотел бы вам помочь, всею душою...— Балабанов с опущенными веками перебирал скрепки в пепельнице, мял их.— Но... Неужто вы не понимаете?..

— Я хочу понять,— с тихой вспыльчивостью произнес Крымов,— что вы решили с моей картиной, черт возьми?

— Н-да-с, позволю огорчить,— сурово проговорил Балабанов и опять астматически, свистяще задышал, засучивая рукава на бревнообразных волосатых руках.— Как вы можете снимать через месяц картину, Вячеслав Андреевич, после таких трагических обстоятельств, вы уж меня извините?.. После гибели Ирины Скворцовой у вас нет главной героини. На грешную землю опуститься придется. Н-да-с, дорого стоит контрабас!

— Оставьте свои контрабасы, Иван Ксенофонтович,— сказал Крымов холодно.— Вы со мной неискренни. Я прошу объяснить, что произошло вокруг картины, и прошу не лгать мне и не водить за нос, с вашего разрешения.

«Почему я сказал «лгать»? С какой стати?»

— А я хочу заметить, что директор студии пока еще я,— выговорил Балабанов, плотно багровея, отчего седой ежик его волос рядом с малиновой багровостью широкого лба приобрел первозданный цвет выпавшего снега.— Не вы, извините, а я отвечаю за производство. И за вашу картину в том числе, Вячеслав Андреевич! Несмотря на вашу известность, которая, смею сказать, вскружила вам голову! — крикнул он толстым басом, все так же тревожно копаясь короткими пальцами в пепельнице среди скрепок.— А вы, как можно понять, не хотите нести никакой ответственности за свою картину, как будто вам все позволено! Шалите, шалите, Вячеслав Андреевич, очень уж как-то!..

— Ответственность? Шалю? — пожал плечами Крымов.— Нелепость!

— А, не притворяйтесь и не наивничайте, Вячеслав Андреевич! — Балабанов отодвинул пепельницу, веки его вздернулись, и оловянного цвета глаза поискали что-то на переносице Крымова, загораясь колючим огоньком.— Я зависимый человек, и как бы я к вам ни относился, ничем не могу сейчас помочь, несмотря на ваши требования не лгать,— проговорил он оскорбленно и еще гуще побагровел.— Я сожалею... И сомневаюсь, что эту картину придется снимать вам. Это уже не в моей компетенции.

— Сомневаетесь? Почему? А в чьей компетенции?

— Вы отдаете себе отчет, Вячеслав Андреевич, что в связи с тем, что произошло в вашей съемочной группе, вам угрожает суд? Или вы считаете, что на вас, известного человека, не распространяются советские законы?

— То есть?

Он произнес «то есть», и душное чувство стало надвигаться тоской, неумолимым рычажком поворачиваться в его душе, что началось месяц назад, после того рокового дня, когда, казалось, надолго приостановилось естественное движение жизни и он, Крымов, не скоро вернется к работе. Но перед отъездом во Францию был часовой разговор с Балабановым, сожалеющим о происшедшем, скорбно сочувствующим, заинтересованным в продолжении работы над фильмом, и эта исходившая теперь от директора студии стеклянная официальность, которую он из осторожности нечасто применял, вызвала у Крымова усталое отвращение.

— По-моему, вы сказали — суд? — проговорил Крымов, притворно выказывая удивление.— За что же меня хотят судить?

Балабанов перестал копошиться в скрепках, раздраженно махнул лопатообразной ладонью.

— Позвольте вам доложить, Вячеслав Андреевич,— заговорил он задыхающимся басом,— что и меня приглашали в следственную, так сказать, инстанцию... по поводу того невиданного... невероятного... Я говорю об этом трагическом... Об этом чрезвычайном деле...

— Выражайтесь немного яснее, Иван Ксенофонтович. Я вас с интересом слушаю.

— Как выяснилось, Вячеслав Андреевич, вы были в интимных отношениях с трагически погибшей актрисой Скворцовой, потому и взяли ее на главную роль...

— Если это и так, хотя это не так, то какое это имеет отношение к чрезвычайному делу, как вы изволили деликатнейшим образом выразиться?

«Странно, я время от времени вижу себя со стороны,— подумал Крымов, разглядывая щекастое, налитое кровью лицо Балабанова и вместе с тем немного затуманенно видя себя в кресле напротив стола — свое лицо с тенями утомления под глазами, летний костюм, голубоватую, свежую, но ставшую влажной под мышками сорочку.— Сколько лет вот этому человеку с сединой в волосах? И похож ли он на респектабельного убийцу любовницы,

что может присниться Балабанову, или, может быть, на героя детективной французской картины из жизни самовлюбленных интеллектуалов?».

— И вы внятнее поясните, Иван Ксенофонтович, что конкретно вы имеете в виду,— повторил Крымов бесстрастно.— И что вы можете утверждать, не зная ничего? Вернее, не зная ни хрена, говоря по-солдатски? Прошу за грубость прощения великодушно...

— Осторожней, осторожней! — выкрикнул Балабанов и затряс тяжелыми щеками, не подымая головы.— Вашими, так сказать, делами, мягко выражаясь, сомнительного свойства занимаются другие организации, а я не желаю ими интересоваться! Что же касается вашего безнравственного действия по отношению к водителю студийной машины Степану Гулину, то здесь...

«...то здесь он как директор студии сделает выводы. Впрочем, со стороны смешно и непостижимо: я ударил шофера! Интеллигентный человек... Но что бы сделал этот благоразумный Балабанов, когда она лежала без сознания на траве, в мокром купальнике, а машины на месте не было? Что он, Балабанов, сделал бы, увидев кольца губной краски на окурках чужих сигарет, торчащих из пепельницы в дверце машины, наконец прибывшей через сорок минут? Испытал бы он ту ярость против шофера, куда-то уехавшего, вероятно, подвозившего дачников, а она в это время умирала? Да, непостижимо. Но Балабанов, этот многоопытный лицедей, два лика, актер в кресле! Должно быть, поэтому мне неприятен его вибрирующий бас, его краснота лба и шеи, его ежеподобная голова и, главное, его ежовые глазки, которые он прячет, сохраняя солидность, опасаясь посмотреть на меня. Он умывает руки».

— Вполне могу вообразить, как вы перестрадали в серьезном учреждении, отвечая на вопросы. Я приношу извинения за доставленные вам неприятные минуты,— насмешливо проговорил Крымов, глядя на неспокойно заелозившие брови Балабанова, и вновь увидел себя в затянутой туманцем дали: овал бледного лица, поза в кресле — и больно кольнувшее предупреждение впервые серьезно обеспокоило его: «Что же я, до предела устал? И не могу выйти из штопора? Так я пропаду».

Балабанов сказал густо:

— Не испытывал удовольствия, отвечая на вопросы, н-да-с!

— Вы не договорили: дорого стоит контрабас. Однако, надо полагать, ваши ответы не были черного цвета. Поэтому я не спрашиваю, Иван Ксенофонтович, что и как вы отвечали. Я хочу другое знать: что вы решили с фильмом в дни моего отъезда?

— Сожалею. Снимать вы пока не будете.

— Что значит «пока»?

Крымов оттолкнулся от подлокотников и быстро встал с напряженностью, с секундной темнотой в глазах («О, как мне нехорошо, какая слабость!»), и тотчас перед ним — через стол — возникла неуклюжая фигура Балабанова, покатоплечего и толстого в поясе, всполошенно поднятого из кресла силой какого-то страха, смывшего багровость с его лица. И Крымов, дивясь смешной мысли, представил, как растерянно вскрикнул бы он и отшатнулся, опрокидывая кресло, этот осторожный еж Балабанов, если бы только одним пальцем погладить его по крупному носу, говоря: «Милый вы страдалец за истину».

— Извините за резкость,— сказал Крымов, насмешливым наклоном головы успокаивая Балабанова.— Во всех смыслах вы не сдерживаете буйную фантазию, и это вас далеко уводит. Так что значит «пока»? — выделил он.— Пока, пока... Пока я не осужден, пока не в тюрьме, ответьте: кто принял это решение? Вы? Комитет по делам кинематографии? Посоветовало серьезное учреждение на Петровке?

Балабанов надел пиджак, висевший на спинке кресла, и, внушительно застегиваясь, затягивая круглый живот, как корсетом, заговорил со свистящим дыханием:

— Я тоже прошу извинения, уважаемый Вячеслав Андреевич! Мне надобно сейчас уезжать. Но!.. Помилуйте! — И он сделал плачущее лицо, затоптался подле кресла, растопыривая руки.— Помилуйте, дорогой! Неужели после того невероятного, что произошло, вы еще надеетесь? Вы еще требуете? Вы еще иронизируете? Да вы по земле ходите, Вячеслав Андреевич? Да вы отдаете себе отчет, в чем вас обвиняют? Я ведь уважал и любил вас...

— Обвиняют? — сухо удивился Крымов и договорил с преувеличенной учтивостью: — Благодарю за полуискренность последней фразы. Я отдаю себе отчет, что не вы решаете мою судьбу, Иван Ксенофонтович. Всего наилучшего!

«Какой бессмысленный, несуразный разговор! Зачем он нужен был?»

Перед отъездом на парижский фестиваль Балабанов пригласил Крымова в кабинет и, угощая чаем, добродушно шевелил бровями, наставительно убеждая, что в данное время, кроме него, послать к капиталистам некого, а ему после всего случившегося развеяться надо, и полезно на буржуазию поглазеть и себя показать, и какой-либо приз наверняка в Москву привезти, на что надеются и он, Балабанов, и люди повыше. Говоря так, он тыкал чайной ложечкой в направлении потолка, похохатывал, прихлебывал чай, и обычная его шумность, оживленное засучивание рукавов (точно нетерпеливое приготовление к важному делу) — все было знакомо Крымову не один год, все должно было говорить, что Балабанов — добрый старикан, меценат, либерал с известной особенностью моментально багроветь и от удовольствия и от негодования, громогласно распекать подчиненных, что в общем-то не приносило вреда никому, ибо он не был любителем кляуз и интриг на студии, всякий раз сглаживая, заминая возникающие обострения в съемочных группах.

Но сейчас Крымов выходил от Балабанова с ощущением тупого разрушительного наваждения, обманной подмены старой реальности нелепой новой, еще полностью не осознанной им. А едва он переступил порог директорского кабинета, секретарша в приемной с непроницаемым лицом дернула плечиком, затем деланно ласково сказала кому-то солидному, длинноволосому, в замшевой куртке, сидевшему на диване («Заходите, товарищ Козин!»), и тот, вскользь и озлобленно глянув на Крымова, поплыл к двери с достоинством оскорбленной знаменитости, которую заставили долго ждать.

«Экий глупец этот Козин»,— подумал Крымов, узнав режиссера с телевидения, неизменно льстиво-приветливого при встречах, расплывающегося в медовых улыбках и неузнаваемого с этим пронизанным высокомерной злобой взглядом.

Однако более всего мучило потом то, что, по давно заученному методу быть безобидно дружелюбным, безобидно ироничным с коллегами, он по инерции кивнул Козину и со стыдом проклял свой кивок, вроде имеющий значение слабости, и даже приостановился в приемной.

— Не сердитесь на старого глупого старикашку, не поимейте обиду, о, великие сопленменники! — сказал он ернически-умиленно, с монашеским истовым поклоном, ставшим почему-то в последнее время модным, как и сентиментальные мужские лобызания в актерской среде, и, робко покашляв в кулак, ссутулясь, бормоча «чичас я, чичас», услужливым жестом лакея из пьесы прикрыл из коридора дверь, с удовольствием заметив при этом обмершие лица Козина и секретарши.— Клоун, паяц, грошовый актер,— сказал он вслух и засмеялся в полутемном коридоре, презирая себя за то, что было противно ему, но с чем не мог и не хотел справиться неизвестно почему. «Да что это? Из меня прет какое-то паясничание! Как будто я в гордыне лишаю всех способности быть разумными людьми. И какой же второй человек во мне подсказывает эту игру, которая противна моей душе?»

Но, идя по коридорам студии в съемочную группу, попадая то в затемненные туннели коридоров, то в солнечные обвалы обильного света на стеклянных галереях, за которыми открывался студийный двор (а там над тополями счастливым сиянием стояли летние облака), он вдруг вспомнил день гибели Ирины, похожий на этот день жарой, блеском, зеленью. Тогда он тоже шел в съемочную группу, а она ждала его в комнате директора картины, чтобы поехать в Спасский монастырь на освоение натуры, где предполагалась съемка эпизода. В тот день он шел вот по этому коридору не сомневающимся в прочности всего земного человеком, и было утреннее, свежее настроение. Все было удачно, прекрасно, найдена и утверждена актриса на роль главной героини, и съемки должны были начаться в августе.

Теперь в закоулках и переходах многочисленных коридоров ему поминутно встречались знакомые лица, одни будто бы случайно отворачивались с деловым выражением спешащих людей, другие, похоже было, здоровались неуловимым движением подбородка, иные жадно засматривали прямо в зрачки с остренькой неутоленностью любопытства, что терзало многих, готовых и защищать и осуждать его за щекочущую нервы тайну смерти молоденькой и талантливой актрисы.

Продолжение следует.

ПАССАЖИРСКИЙ ШЕЛ НА ЗАПАД

В ТУ НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Живо помню ту ночь — первую ночь сорок пятого года. Стужа. Снежные горы вдоль железнодорожного полотна, у домов. Еще затемненные окна. Наша бригада: машинист Михаил Кудрявцев, кочегар Петр Капитулец и я, помощник машиниста,— ведем пассажирский поезд № 41 Москва — Вильнюс.

По Белоруссии, по Литве пошли пассажирские поезда! В самой обыденности этого было предчувствие нашей близкой победы. Тем более что поезда шли к западной границе, еще недавно остававшейся в тылу у оккупантов.

Не помню точно, продавали или нет билеты на те поезда, но помню, что ездили в них преимущественно военные. Возвращались в строй вылечившиеся в госпитале, спешили в части молодые офицеры, у кого-то кончались командировки на военные заводы...

Ощущалась какая-то уже похожая на мирную праздничность. И у нас на паровозе, и в привычной суете на перронах; и вагоны вроде легче обычного катились по рельсам — мы знали: пассажиры не спят, говорят о скорой победе, вспоминают родных, поют любимые песни.

Хорошо работалось в ту ночь! И, как всегда в такие часы, память оживляла пережитое. Родной Ленинград героически переносит блокадное удушье, в 42-м наше железнодорожное училище вывозят оттуда в депо Ершов. В Ершове, семнадцатилетний, я получаю право ездить помощником машиниста. В начале лета 44-го зовут в Москву, говорят: «Садитесь на паровозы — и в Минск!» «Но там же немцы!» «Пока доберетесь, их выгонят!..» Три дня стоим под Минском. Фронтовая полоса. Бомбежки. А мы готовим паровозы. И, как только война позволяет, наш СУ-213-17 ведет пассажирский поезд на запад. То было верной, радостной приметой возвращения мирной жизни!..

От Минска до Вильнюса пассажирский поезд № 41 шел в ту новогоднюю ночь часов пять. То пропускали воинские эшелоны, то сбавляли скорость на перегонах, еще не «вылечившихся» как следует после боев... Много передумалось тогда. Не скажу, что она, та ночь, определила всю мою дальнейшую жизнь. Но отчасти да. 35 лет я бессменно водил поезда. И потом не изменил железной дороге. Остался слесарем в депо, где в 44-м честно работал на победу.

Б. КАРЛОВ,
почетный железнодорожник,
кавалер орденов Ленина
и «Знак Почета»

Добрый день мой

Маариф СОЛТАН

ОТЕЦ МОЙ ГОВОРИТ

У пчел на белом свете искони
язык един
и труд один и тот же.
Поганого чуждаются они,
а чистое для них всего дороже.
Пчелою будь.
С другими заодно
трудись,
держась обычая седого,
и, как в роду у нас заведено,
пускай твое, как мед, струится слово
и никого не огорчит оно.
Запомни:
злоба злобу и пробудит,
стремись умножить добрые дела.
Но если надо будет...
Надо будет —
старайся и ужалить.
Как пчела.

ПИСЬМО ДЕДУШКЕ

Ты горным кряжем с самого начала
Был для меня — забуду ли о том?
Когда же гневно речь твоя звучала,
Казалось, что в горах грохочет гром.
Вместительней великих океанов —
У сердца твоего размах таков.
Я понял, на тебя весною глянув:
Вершины не бывают без снегов.
Ты постарел? Да кто ж поверит в это?
Ты стал с годами на ухо тугим?
Но горы тоже не дают ответа,
Когда невнятно обратишься к ним.
Вдали скучаю по родному краю.
Теперь я знаю многое, и все ж
Ты ль на высокий кряж похож, не знаю,
Иль кряж высокий на тебя похож.

Перевел с азербайджанского Владимир КАФАРОВ.

Юрий ШЕСТАКОВ

У ПРОХОРОВКИ

О жизни и о смерти
до утра
дождь говорил
на языке морзянки...
Работали в тумане трактора,
а чудилось —
в дыму гремели танки.
Лучом пронзило мглу,
и предо мной
сверкнул пейзаж,
как снимок негативный...
Мне жутко миг представить за броней,
которую прожег
кумулятивный!
Я думал, сталь
надежнее земли,
но в сорок третьем здесь пылало лето:
и сталь, и кровь беспомощно текли,
расплавившись,
и были схожи цветом.
Наверно, мир от ярости ослеп:
чернело солнце,
мерк рассудок здравый,
когда в той схватке
с диким воем степь
утюжили стальные динозавры.
Огромные, гремящие, они,
друг друга разбивая и калеча,
скрывали там, за хрупкостью брони,
трепещущее сердце человечье.
Земля и небо
в звездах и крестах!
И раны кровоточат, и мозоли.
В эфире жарко,
тесно, как на поле,—
звучит «Огонь!» на разных языках,
на общечеловечьем —
крик от боли!
И где-то здесь,
среди бугров и ям,
сквозь смотровую щель стального танка
ворвался полдень
и, как белый шрам,
остался на лице у лейтенанта...

Войны не зная,
понимаю я,
что в том бою должна была решиться
судьба России и судьба моя:
родиться мне на свет
иль не родиться
и встать ли мне однажды до утра,
за Прохоровку выйти спозаранку,
где все траншеи скрыли трактора,
где бродят тени опаленных танков...

Ленинград.

Анатолий СТЕПАНОВ

ЛЕТО

Эта чудная пора —
солнечное лето!
Загорела детвора.
Ласковы рассветы.
На просторе хорошо
погулять с косою.
Травы, травы — чистый шелк,
светятся росою.
Я кошу не торопясь
близ седой дубравы.
С шумом стая поднялась —
воронья орава.
Солнце нежит, а не жжет,
коль косарь в работе.
«Бережливость бережет»,—
говорят в народе.
Солнце выше.
Припекло.
Нет с жарою сладу.
А родник жаре назло
сохранил прохладу.

ХЛЕБОРОБ

Летний вечер прохладой дышит,
Где-то солнышко за горой.
Вьются ласточки
по-над крышей,
Не торопятся, видно, домой.

Так устал я,
не вымолвить слова.
День сегодня был трудный и жаркий.
День, пропахший
зерном и поло́вой,—
Добрый день мой горячей жатвы.
Ночью сны снова вдаль уносят,
Месяц ласково смотрит в окно.
А с рассветом опять по росам
Я иду убирать зерно.

СТОГА

Нашей речки берега
Дремлют на просторе.
Рядом — рослые стога
На широком поле.
Золотистый стройный ряд,
Солнце щедро греет,
Сена теплый аромат
По округе веет.

Упадут зимой снега,
И замолкнут пташки.
И оденутся стога,
В белые рубашки.

Я приду опять сюда
Тропкою примятой.
И запахнет, как всегда,
Из-под снега мятой.

Деревня Бывалица,
Смоленской обл.

Леонид ВОЛОДАРСКИЙ

ПОКЛОННАЯ ГОРА

С трудом убивали костры
Мороз сорок первого года.
Шел мимо Поклонной горы
Путь вашего лыжного взвода.
Пронзая колючую взвесь,
Ты вскинул свою рукавицу:
«Ребята, неужто вот здесь
Глядел Бонапарт на столицу
И ждал от столицы ключи?
Иль классик прибавил немного?»
«Все правда, браток. Помолчи.
Погрейся чуток на дорогу».
Прикуривая от костра,
Ты все продолжал удивляться:
«Неужто вот эта гора...
Поклонная... Надо же, братцы...»
...Ты сгинул тогда, в ноябре,
И ты не узнаешь, убитый,
Что люди на этой горе
Воздвигнут тебя из гранита,
Что ты средь таких же парней
Продолжишь движение вскоре...
Стоит на могиле твоей
Боярышник, черный от скорби.

Москва.

Елена НАУМОВА

СЕРГУХА

Война Сергухиного деда
Настигла в нынешние дни.
Он умер в праздник, в День Победы,
От старых ран, в кругу родни.
Больней всех чувствовал разлуку
Сергуха, внучек, егоза...
Оставил дед в наследство внуку
Характер, имя и глаза.
И плакал маленький Сергуха
На зеленеющей траве,
Но гладить жалостным старухам
Не дал себя по голове.

Киров.

Таган СОХБЕТОВ

ЧАЕПИТИЕ

Туркмены любят чай!
Без чая мы скучаем.
Гость будет невзначай —
Его встречаем чаем.
За чаем — разговор,
Веселое свиданье,
Товарищеский спор
О тайнах мирозданья.
За чаем о своем
Скажи,
Открыв всю душу,
За чаем обо всем
Поведай и послушай.

Но если выпит чай,
Хлеб подан,—
Будь степенен.
Брось шутки,
Смех кончай:
Знай, хлеб
Для нас
Священен!

Перевел с туркменского В. ДИВАКОВ.

Надежда ВЕСЕЛОВСКАЯ

●

Вновь я слышу голос тети Веры.
Только он — не вровень с нашим днем.
Он звучит из той далекой сферы,
Где бывало многое при нем.

Помню мир в особом измеренье:
Стены выше. Лестницы длинней.
И — при мне — старушек откровенья,
Что шептались с бабушкой моей.

Помню мир, когда я шла за ручку
И мечтала, путаясь порой.
Тети Веры маленькая внучка
Мне была троюродной сестрой.

Перейти дорогу — значит реку
Переплыть, простор ее рябя...
Часто мира этого опеку
Я опять ищу вокруг себя.

В рамке жизни — кадров перетяжка.
Ниже дом. Приземистей гора.
И на месте девочки в кудряшках
Незнакомо взрослая сестра.

И старушки мне б не дали веры,
Как тогда, у бабушки в дому...
Но остался голос тети Веры —
Ручеек от этого к тому.

●

И поджидая юность, как кудесника,
И обживаясь в юности, и дальше
Ни разу не влюбилась я в ровесника,
А столько раз влюблялась в тех, кто старше.

Быть может, в детстве сердце так отзывчиво,
Что не забыть мне давних впечатлений:
Колючий смех мальчишек неуживчивых
И ласку взрослых, бравших на колени?

Москва.

Евгений ЛЕБЕДЕВ

●

Бурлит река. Сегодня половодьем
Затоплены луга и берега.
Звезда над ней — молодкой в хороводе,
И тают потемневшие снега.
И от снегов когда-то лебединых
Немного грустно и тепло в груди.
Стою один среди берез любимых,
Когда уже морозы позади.

Москва.

Магомед НАСРУЛАЕВ

●

Колыбельку бабушка качала...
Капля пота с мудрого лица
На ладошку детскую упала
Возле погремушки и кольца.

Вздрогнула малышка, поднимая
Ручку к доброй бабушке своей,
И горянка старая, седая,
Наклонившись, прошептала ей:

Пусть лишь пот (то солнечные слезы)
Будет литься по щекам твоим...
Окропленный пóтом,
от угрозы
Дом родной навеки сохраним!

Перевел с аварского А. ЛАВРИН.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

В. А. НЕГОВСКИЙ, академик АМН СССР, профессор, лауреат Государственных премий СССР, руководитель лаборатории общей реаниматологии АМН СССР

Новый, 1945-й я встречал в прифронтовом медсанбате. Слышался гул орудий. Морозно было. Уже стол накрыли — печенье, масло, водка. А тут в медсанбат привезли раненого. До сих пор точно помню, что было записано в истории его болезни: «Валентин Дмитриевич Н., красноармеец энского гвардейского стрелкового полка. Родился в 1923 году, в Дзержинске, Горьковской обл. Диагноз: слепое осколочное ранение, нарушена целость бедренной артерии и вены. Шок 3-й степени. В медсанбат доставлен через два часа после ранения в чрезвычайно тяжелом состоянии. Пульс нитевидный, дыхание прерывистое, слабое, сознание затемнено».

Несмотря на то, что хирурги при операции сделали все возможное, состояние больного резко ухудшилось. Не приходя в сознание от шока и острой кровопотери, раненый умер, и врачи, казалось, были бессильны что-либо сделать...

Через три минуты тридцать секунд после клинической смерти, то есть полной остановки сердца, мы приступили к оживлению. Было произведено артерио-венозное нагнетание крови с одновременным применением искусственного дыхания.

Через одну минуту начало работать сердце. Через три минуты появилось самостоятельное дыхание. На двадцать второй минуте возникли глазные рефлексы. На шестидесятой — первые признаки восстановления сознания...

В историю болезни записали: «23.00. Общее состояние больного тяжелое. Он спит. При оклике легко выводится из сна. Отвечает на вопросы. Просит пить».

...На линии фронта, проходившей совсем недалеко от деревушки, где расположился медсанбат, шла артиллерийская перестрелка. Активных боевых действий в ту ночь не было. Я вымыл руки, снял халат, накинул полушубок и вместе с товарищами пошел на другой конец деревушки. Нас ждали. До 1945 года оставались минуты...

Настроение у меня, я помню, было хорошее. Устал, конечно. Но одержал-таки свою маленькую победу за операционным столом. И очень верил, все мы верили, что и наша скромная работа приближает общую, долгожданную Победу Родины... Кстати, на год раньше, в 1944-м, журнал «Огонек» писал о нашей бригаде фронтовых реаниматоров, у меня даже сохранилась вырезка.

А Валентин Дмитриевич Н. через три недели был отправлен на долечивание в тыл.

В будущем году выходит моя книга «Очерки по реаниматологии», в которой я постарался обобщить опыт моей полувековой работы, в том числе и на фронте.

В ТУ НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

В ЗАПАДНЕ

Декабрь 1944-го застал 284-й гвардейский стрелковый полк на Сандомирском плацдарме. Перед нами мощный оборонительный район, состоящий из нескольких линий траншей, множества дотов и дзотов, проволочных заграждений в четыре кола, противотанковых и противопехотных минных полей. Иначе говоря, добраться до живого фашиста было почти невозможно. А мы в новогоднюю ночь получили приказ во что бы то ни стало взять «языка». Командира разведвзвода накануне ранило, поэтому возглавить группу разведчиков поручили мне.

И вот в последний вечер 1944 года группа разведчиков: А. Малеванный, В. Живора, И. Лукин, М. Сухин, С. Стебловский, два сапера и связист — незаметно прошла через проходы в нашем минном поле и подползла к немецкому. Среди неубранных кочанов капусты, прикрытых мокрым снегом, немцы установили противопехотные мины, похожие на капустный кочан. К каждой мине подведены проволочки. Если хоть одну задеть, срабатывает взрыватель — мина подпрыгивает, и тысячи осколков поражают все живое.

Мы лежим, положив руку на сапог переднего. Мокрый снег валит сверху. Прошло два часа, а мы только подобрались к проволочной спирали. Промокли до нитки. Вообще-то погода наша, разведвзводовская. В двух десятках метров от нас слышны голоса — разговаривают немецкие пулеметчики. Мы хорошо видим их каски, мокрые плащи, поблескивающие стекла очков. Ножницы, которыми наши саперы режут проволоку, оглушительно щелкают. Если услышат немцы — всем нам конец: в минном проходе положат из пулемета. Тогда мы связались с артиллеристами и попросили открыть огонь. Во время выстрела и разрыва снаряда саперы быстро работали ножницами, и звуки щелчков заглушались. Вскоре и немцы начали отвечать из своих пушек. Завязавшаяся артиллерийская дуэль помогла нам еще больше.

Через час была прорезана дыра в проволочной спирали, и я первым пролез в нее. За мной — остальные. С немецкой пунктуальностью в ожидаемое время послышалось хлюпанье сапог: в траншее шли пятеро солдат, а поверху — офицер. Когда он поравнялся с нами, я скомандовал: «Хенде хох!» Немец оторопел от неожиданности. А когда рванул автомат, Сережа Стебловский полоснул его очередью по ногам. Остальных забросали гранатами.

Фашист оказался тяжеленным, килограммов на сто двадцать весом, так что тащить его было нелегко. В проходе, вырезанном саперами, осталось много обрезков колючей проволоки; волочить по ним немца нельзя — пораним. Пришлось мне лечь на спину и накрыть своим телом колючки. Через меня легко проскользнула туша в мокром плаще. Потом так же бережно проволокли «языка» по проходу в минном поле, а после несли на руках.

Наша артиллерия тем временем вела отсечный огонь. Я же остался в западне — и снизу и сверху колючая проволока крепко впилась в одежду. Пришлось действовать по-змеиному, то есть вылезти из «кожи»: я выбрался из телогрейки и маскхалата, оставил шапку; таким образом вырвался из западни и присоединился к поджидавшей меня группе прикрытия. На ротный командный пункт тут же прибыл с врачом и переводчиком командир дивизии генерал-майор А. И. Олейников. Пленному была оказана медицинская помощь, а затем его доставили на КП дивизии. «Язык» оказался очень ценным. Был у нас и еще один трофей — винтовка-автомат нового образца, впервые появившаяся в немецких частях. Это тоже очень заинтересовало командование.

А 12 января 1945 года мы начали наступление и через неделю ворвались в Германию. В первом же населенном пункте, где я смог отчиститься и отмыться, зашел к фотографу. Так что этому снимку сорок лет!

После войны я окончил фармацевтический институт. Жена, дочь и зять тоже провизоры. Новый год мы всегда встречаем вместе. В доме уютно и тепло, а я вспоминаю новогоднюю ночь сорок пятого, ночь, которая могла стать последней в моей жизни.

В. КУДЕЛИЧ

Полтава.

У нас в Крылатском.

НАШЕ КРЫЛАТСКОЕ...

РЕПОРТАЖ ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЯ

«Последнее время я часто слышу по радио о Крылатском — новом жилом комплексе в Кунцевском районе Москвы. А мне вспоминается Крылатское другой поры — лета 1941 года.

В июле того года, после закрытия ВСХВ, где я работала агрономом в павильоне «Садоводство» и водила экскурсии, меня направили в село Крылатское, тогда Кунцевского района Московской области, в колхоз «Свободный труд». Этот колхоз был участником Всесоюзной выставки, возглавлял его Иван Иванович Крутов.

Колхоз, как и вся страна, переживал большие трудности. Шла уборка овощей, картофеля и других культур, которые тут же направлялись для снабжения частей Красной Армии. Мужчины ушли на фронт. Все тяготы легли на плечи стариков, женщин и подростков.

Фронт приближался к Москве... По Рублевскому шоссе шла эвакуация населения, с заводов вывозились оборудование и документы, фашистские самолеты систематически налетали на Москву и пригороды... Бомбы падали и в окрестности Крылатского. В октябре—ноябре все трудоспособное население было направлено на создание оборонительных сооружений. Земля тогда уже сильно промерзла, приходилось ее долбить ломами, а норма была 4 кубических метра грунта в день. Работали с темна до темна...

Прошло более сорока лет, а у меня до сих пор все в памяти, и дороже всего мне медаль «За оборону Москвы».

Очень хотелось бы, чтоб «Огонек» рассказал о новом микрорайоне в Крылатском — этом великолепном памятнике всем, кто обеспечил Победу в Великой Отечественной войне. От всего сердца желаю, чтобы на Земле был всегда мир и люди не знали войн.

З. БАРКОВСКАЯ».

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Это письмо я показала первому заместителю председателя Кунцевского райисполкома Льву Николаевичу Шибалеву. Кому, как не ему, знать историю Крылатского и всего района! Лев Николаевич в некотором смысле здесь ветеран, работал, когда района как самостоятельной административной единицы не существовало,— с 1966 года. Тогда Кунцево и Фили с прилегающей к ним территорией входили в Киевский район. Шибалев был в ту пору строителем. Мастер, прораб, начальник участка, главный инженер... Первый его объект — кинотеатр «Брест», что у метро «Молодежная», в Кунцеве, ставшем с 1968 года центром нового района. Шибалев строил многоэтажные жилые дома на улице Багрицкого, Гжатской, Полоцкой, Бобруйской... Наконец, на Ельнинской и Истринской,— эти улицы по левую сторону от Рублевского шоссе; Крылатское и Татарово, расположенные справа от шоссе, оставались нетронутыми. Только в 1973 году на месте карьеров, из которых брали песок, был построен гребной канал.

Однако места эти с их живописными холмами и оврагами издавна пользовались широкой популярностью у москвичей. Тут проводились соревнования дельтапланеристов, мотоциклистов, горнолыжников...

— Новая история Крылатского началась в предолимпийские годы. Я к тому времени работал уже в райисполкоме заместителем председателя по вопросам строительства. Пришлось заниматься переселением жителей деревень Крылатской и Татарова в новые жилые дома и благоустройством прилегающей к спортивным сооружениям — велотреку, каналу, трассе велогонки — территории.

За все эти работы, кстати, наш собеседник удостоен медали ВДНХ.

— В соответствии с Генеральным планом развития Москвы,— продолжает зампред,— предстояло подготовить плацдарм для создания в Крылатском нового градостроительного комплекса особого типа. Особенность его должна была состоять в том, чтобы жилые дома и все объекты социально-культурного назначения были введены в строй одновременно. Каким получилось наше Крылатское — увидите сами.

Автобус № 732 мчится по Ярцевской улице, пересекает Рублевское шоссе, и перед нами, как на исполинском экране, средь

Приехала в гости бабушка — значит, будут блины...

Урок в 1 «А».

снежного безбрежья предстал город, подпирающий своими белоголубыми стенами небо. Читаю название улицы — «Осенний бульвар». Остановка у низкого, насквозь прозрачного под серебристой кровлей здания. Универсам. Вот с него-то и началась, собственно, жизнь в Крылатском. Непривычно? Да, но именно с него. Еще не было ни одного на этой в 80 гектаров территории жителя-новосела, но покупатели уже были — сами строители Крылатского. Работали и телефоны-автоматы на перекрестках, и киоск «Союзпечати». Что же касается школы, то она открылась задолго до полного набора учащихся.

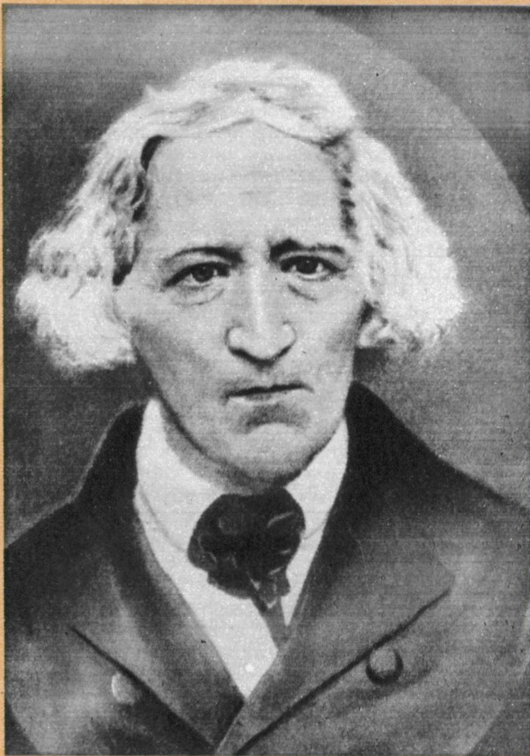
Л. И. Теплова, начальник первого и пока единственного здесь ДЭЗа, называет нам такие цифры: в ее распоряжении десять жилых зданий общей площадью 215 тысяч квадратных метров. В них будет жить 12 тысяч человек. Государственная комиссия и райисполком принимали объекты вместе со всеми инженерными коммуникациями, малыми формами и даже зелеными насаждениями (елочками, сиренью и кленами). Соревновались, сдавая свою продукцию, два домостроительных комбината столицы. Наилучшие результаты у ДСК-1. Особенно отличилась бригада В. А. Капустина. Она вела монтаж трех домов и сдавала их с первого предъявления. Сам бригадир стал здесь Героем Социалистического Труда.

В одном из домов Крылатского отделка выполнена по выбору будущих жильцов, за дополнительную, из их средств, плату.

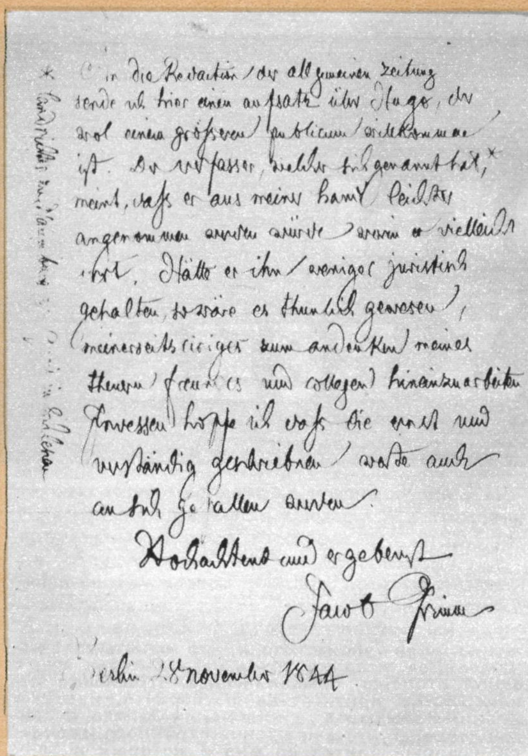
Нам, конечно, не терпится побывать в самих квартирах. Воскресенье, у подъезда дома № 10 грузовики с шашечками — кто-то приехал, разгружается. А нам на шестнадцатый этаж, к Ирине Владимировне и Вячеславу Ивановичу Скориковым. Медсестра и главный механик учебно-производственного предприятия Всесоюзного общества слепых. Две дочери — семиклассница Аня и дошкольница Наташа. Да еще бабушка Клавдия Федоровна Вилюгина в гости приехала.

— Как вам нравится новая квартира?

— Очень нравится. Ведь мы изрядно покочевали по Москве. Я родилась в Зарядье. Наш дом снесли, когда стали строить гостиницу «Россия», и нас всех переселили в Текстильщики. Потом папе, как инвалиду Отечественной войны (мама, между прочим, тоже фронтовичка, медсестрой была), предоставили квартиру на Красной Пресне. Пока я не вышла замуж, нам с братом и родителям было достаточно двух комнат. Но потом стало тесно. Ждали мы этого новоселья в Крылатском с нетерпением. Замечательная у нас квартира. Большая кухня с электрической плитой, встроенные шкафы. Просторный холл — мы поставим здесь кресла и журнальный столик. Три комнаты... Везде добротная отделка, красивые обои,— мы ничего не переклеивали, только в ванной выложили стену плиткой до самого потолка. На будущий год установят телефон, здание АТС уже построено. Школа? Да вот она, под окнами, и детский сад с нею рядом. А вид какой! Посмотрите: вон, где парк, гребной канал. Видите? Лес рядом. Река. И метро к нам, говорят, придет. Очень красивое наше Крылатское!..

Якоб Гримм.

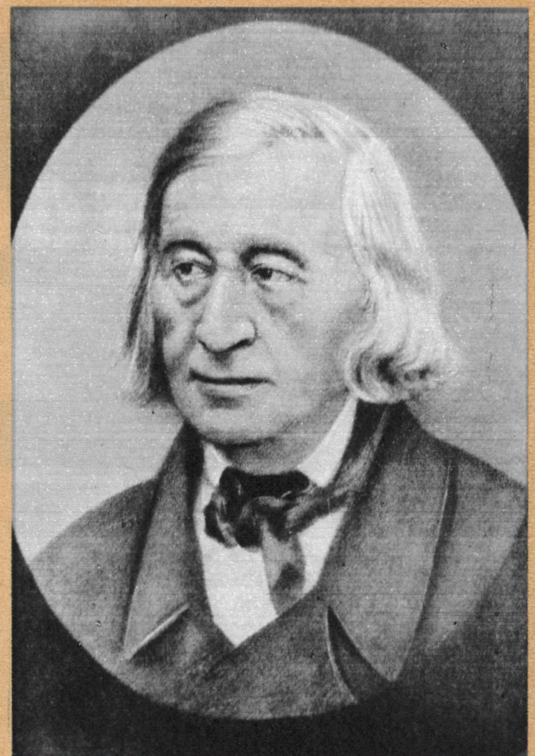

An die Redaction der allgemeinen Zeitung
sende ich hier einen aufsatz über Hugo, der
wol einem gröszeren publicum willkommen
ist. Der verfasser, welcher sich genannt hat,*
meint, dass er aus meiner hand leichter
angenommen werden würde, wenn er vielleicht
ist. Hätte er ihn weniger juristisch
gehalten, so wäre es thunlich gewesen,
meinerseits einiges zum andenken meines
theuren freundes und collegen hinzuzuarbeiten.
Indessen hoffe ich dass die ernst und
verständig geschriebne arbeit auch
an sich gefallen werde.

Hochachtend und ergebenst
Jacob Grimm

Berlin 28 november 1844

Письмо Якоба Гримма (воспроизводится впервые).

Вильгельм Гримм.

200-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ СКАЗОЧНИКОВ БРАТЬЕВ ГРИММ

СОБИРАТЕЛИ ЗОЛОТЫХ КОЛОСЬЕВ

Кто не слышал про Красную Шапочку, Золушку, Мальчика-с-пальчика или Бременских музыкантов? Они пришли в страну нашего детства из чудесных книг братьев Якоба и Вильгельма Гримм собирателей знаменитых «Сказок».

Образы двух сказочников сливаются для нас как бы в один образ: доброго и мудрого человека, с веселым сердцем и чистой душой. Крепкая, на всю жизнь дружба братьев Гримм является примером духовного единения таких двух разных по эмоциональному и физическому складу людей. Молодой Ф. Энгельс объяснял устойчивую популярность «Сказок» сохранением обаяния созданий народной фантазии, навеянной степной природой Северной Германии: «...Они возникли здесь, где с наступлением ночи исчезает все человеческое, и жуткие, бесформенные создания народной фантазии носятся над землей, пустынный вид которой наводит страх даже в ясный полдень. Они — воплощение чувств, которые охватывают одинокого жителя степи, когда он в такую бурную ночь шагает по своим родным местам... Тогда перед ним снова встают впечатления, сохранившиеся с детства от бурных степных ночей, и претворяются в сказки». Собирал сказки по всей стране, братья Гримм образно уподобляли их «колосьям», которые разметала буря, а те колоски, которые удалось спасти, считали они, могут дать семена для будущего посева.

«Настало время,— говорили они,— спасать древние предания и сказки, чтобы они не исчезли в беспокойных днях наших, как искра в колодце или роса под горячим солнцем».

Популярность «Сказок» как бы затмила значительность других трудов братьев Гримм, прежде всего научных — историко-филологических и общественных. «Если мы получаем благодарность за все труды и заботы, которые пережиты нами, то все за собрание сказок»,— говорил по этому поводу Якоб Гримм.

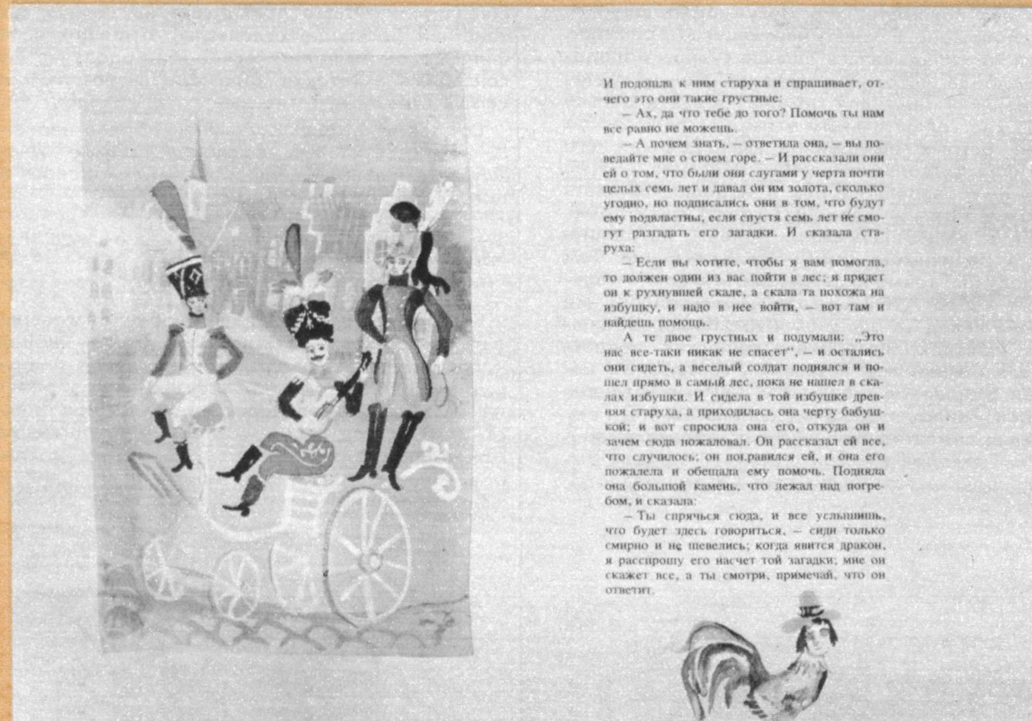
Но Генрих Гейне уверенно и определенно заявил о научном подвиге двух крупнейших немецких филологов: «Неоценима заслуга обоих исследователей перед наукой о немецких древностях... Человеческой жизни и человеческого терпения не могло хватить, чтобы собрать эти глыбы учености...»

«В следующем месяце (4 января 1845 года) мне будет шестьдесят, но я чувствую себя, как и всегда, готовым к новым исследованиям»,— писал Якоб Гримм одному из своих друзей, Виланду. К этому же периоду — к «берлинскому» — буквально к этим дням жизни относится письмо (28 ноября 1844 года) Я. Гримма, воспроизводимое здесь впервые. Оно находится в собрании автографов Павла Алексеевича Козлова, русского поэта и переводчика Байрона, любителя-музыканта и автора многих романсов. В воспоминаниях о П. А. Козлове, как указывал академик М. П. Алексеев, глухо упоминается о том, что в 60-х годах XIX века во время своих заграничных путешествий Козлов «познакомился со многими французскими и немецкими писателями» и что он имел «огромный и великолепный альбом, в который собирал автографы заграничных и русских известных писателей, композиторов и художников». После 1861 года в течение пяти лет П. А. Козлов жил за границей, в том числе бывал и в Берлине, и мог встречаться с Якобом Гриммом. Однако, как предполагал М. П. Алексеев, не все автографы из альбома Козлова могли быть получены непосредственно от авторов, часть из них приобреталась «покупкой и составляет, в сущности, типичную коллекцию автографов».

Ныне, в год, объявленный ЮНЕСКО годом братьев Гримм, всматриваясь в строки, написанные ими, вспомним замечательные слова, сказанные великими сказочниками: «Мы не знаем более здоровой и прекрасной книги, чем та, которую создал народ».

В. КОЗЛОВ

Иллюстрации к «Сказкам братьев Гримм».

И подошла к ним старуха и спрашивает, отчего это они такие грустные:

— Ах, да что тебе до того? Помочь ты нам все равно не можешь.

— А почем знать, — ответила она, — вы поведайте мне о своем горе. — И рассказали они ей о том, что были они слугами у черта почти целых семь лет и давал он им золота, сколько угодно, но подписались они в том, что будут ему подвластны, если спустя семь лет не смогут разгадать его загадки. И сказала старуха:

— Если вы хотите, чтобы я вам помогла, то должен один из вас пойти в лес; и придет он к рухнувшей скале, а скала та похожа на избушку, и надо в нее войти, — вот там и найдешь помощь.

А те двое грустных и подумали: „Это нас все-таки никак не спасет", — и остались они сидеть, а веселый солдат поднялся и пошел прямо в самый лес, пока не нашел в скалах избушки. И сидела в той избушке древняя старуха, а приходилась она черту бабушкой; и вот спросила она его, откуда он и зачем сюда пожаловал. Он рассказал ей все, что случилось; он понравился ей, и она его пожалела и обещала ему помочь. Подняла она большой камень, что лежал над погребом, и сказала:

— Ты спрячься сюда, и все услышишь, что будет здесь говориться, — сиди только смирно и не шевелись; когда явится дракон, я расспрошу его насчет той загадки; мне он скажет все, а ты смотри, примечай, что он ответит.

Титульный лист одного из изданий «Сказок братьев Гримм».

Людоеды XX века

Юрий ЖУКОВ

— Людоеды? Какие людоеды? — спросит озадаченный читатель.—О ком идет речь? Ведь даже самые отсталые племена в далеких джунглях не занимаются нынче каннибализмом. Может быть, автор употребляет это слово в переносном смысле, собирается рассказать о грязных нравах буржуазной прессы или о чем-нибудь в этом роде?»

Частично те, кто выскажет такую догадку, будут правы — речь пойдет и об этих людоедских нравах. Но позвольте мне все же вначале рассказать о самом настоящем людоеде в прямом смысле этого слова — о людоеде, который был обнаружен не где-нибудь в джунглях, а в Париже. А уж потом пойдет речь и о людоедских нравах в переносном значении этого слова; события, развернувшиеся вслед за этим происшествием, весьма знаменательны и поучительны.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: КАННИБАЛ ИССЕИ САГАВА

Эта поистине невероятная, но — увы! — реальная история началась более трех лет тому назад — в июне 1981 года, когда в уголовной хронике парижской прессы промелькнула заметка о гнуснейшем преступлении опасного садиста: учившийся в Париже японский студент, сын богатого промышленника Иссеи Сагава убил выстрелом из карабина свою подругу — голландскую студентку Рене Хартевельт, аккуратно разрезал ее тело на куски и часть из них съел. Вскоре он был арестован и отдан под суд. Преступление было настолько чудовищным, что эксперты объявили Сагаву ненормальным, и суд отказался его наказывать.

Волнения, вызванные в Париже преступлением Сагавы, утихли, и о нем мало-помалу начали забывать, как вдруг портрет садиста вновь замелькал на страницах газет. Оказывается, этот молодой человек, знающий толк в нравах буржуазного общества, не терял времени даром, и пока судьи и врачи ломали себе голову, раздумывая о том, болен ли он, или здоров, готовился сделать карьеру как своего рода герой, воплощающий самурайские традиции.

Что же произошло?

12 ноября 1981 года известный японский писатель, руководитель «авангардистского» театра Юро Кара получил письмо из Франции; оно было послано Иссеи Сагавой из тюрьмы, в которой он тогда находился. Молодой людоед предлагал писателю свое сотрудничество в работе над книгой, а потом и над кинофильмом, посвященным его «поступку». Вот это поразительное письмо:

«Господин Юро Кара! Я тот, кто убил молодую голландскую женщину, съел часть ее плоти и был арестован полицией. Господин М. (фамилия этого человека не была раскрыта) сообщил мне, что вы подумываете о том, чтобы поставить фильм, посвященный моему делу. В своем предыдущем письме, которое я направил господину М., я сообщал, что и сам уже давно думал о создании такого фильма.

Я хотел бы его назвать «Обожание». Его можно было бы построить так: один человек с Востока (точнее, японец) обожает западную женщину до такой степени, что испытывает неудержимое желание убить ее и съесть. Это, с одной стороны, символическое отражение неискоренимо притягательной страсти, которую Япония испытывает в отношении Запада. С другой стороны, это выражение странного импульса, который таится во мне и который я хочу выразить.

Героем фильма должен быть невысокий, возможно более тщедушный японец (рост Сагавы — 1 метр 48 сантиметров, вес — 40 килограммов.— Ю. Ж.), а его жертва должна быть типично западной — высокой блондинкой. Фильм должен начаться кадрами, отображающими одиночество героя, который находится в центре большого города. В конце — пейзаж, показывающий грозное бушующее море и иллюстрирующий тем самым подлинную натуру героя.

Я давно лелею надежду, что в один прекрасный день будет создан такой фильм. И мне очень хотелось бы сыграть в нем свою собственную роль. Конечно, мое судебное дело послужит лишь затравкой для вашего творческого воображения, и вы сможете развить сценарий так, как вы сочтете это необходимым. Но если у вас возникнет желание разузнать, что происходит в моей душе — в душе главного героя фильма,— я с удовольствием отвечу на ваши вопросы»...

Как вы думаете, что сделал писатель Юро Кара, получив это письмо? Отправил его французскому следователю, который вел дело молодого каннибала? Или попросту швырнул письмо в корзину? Как бы не так! Он принял предложение Сагавы, вступил с ним в переписку и затем написал на ее основе документальный роман, озаглавив его, как тот и предлагал, «Обожание». Подзаголовок гласил: «Письма Сагавы».

Роман этот в Японии имел сенсационный успех и разошелся тиражом в миллион (!) экземпляров. В марте 1983 года ему была присуждена высшая литературная премия Акутагава, равноценная по значению французской Гонкуровской премии.

Солидное французское издательство Лаффон поспешило перевести этот роман и выпустить его на западноевропейский рынок. Любители острых ощущений буквально расхватывали поступивший в книжные магазины увесистый томик с красивой цветной обложкой, обернутый алым ярлыком с зазывной рекламной надписью: «Париж, 1981 год. Японец убивает студентку, рубит ее труп на куски и начинает его пожирать. Это безумное преступление положено в основу чарующего (!) романа».

Как же складывалась дальше судьба молодого людоеда, который подсказал своему соотечественнику тему для романа, пользующегося столь сногсшибательным успехом среди любителей острых ощущений? Исследования его психики продолжались пять месяцев, после чего ему разрешили раз в неделю покидать тюрьму; затем в июле 1983 года Сагаву поместили в лечебницу «Анри-Колен», находящуюся в парижском пригороде Вильжюиф. Там он получил возможность заняться сочинительством, и в августе 1983 года на книжном рынке Японии вслед за романом Юро Кары «Обожание» появилась автобиографическая повесть самого Сагавы под названием «В тумане», которая разошлась тиражом в 300 тысяч экземпляров. Теперь этот каннибал уже был, как выразился симпатизирующий ему журнал «Париматч», «звездой в своей стране». Издатели были довольны: успех двух книг Сагавы озолотил их.

Летом 1984 года французские власти решили все же избавиться от этого удачливого преступника, тем более, что он заявил в одном из своих посланий писателю Юро Каре: «Если меня выпустят на свободу, я съем другую женщину». И вот в первых числах июня Сагава прибыл в Токио на борту французского самолета трансполярным рейсом 272.

«Это было почти триумфальное возвращение японского каннибала на родину,— писал 8 июня журнал «Пари-матч», посвятивший две страницы снимкам о столь сенсационном событии.—Его принимали как кинозвезду. В аэропорту его встречала когорта фоторепортеров и кинооператоров. Было сообщено, что кинорежиссер Ошима готовит постановку фильма, вдохновленного его каннибальской страстью».

Но тут подняли шум родители убитой голландской студентки. Если Сагава признан здоровым, заявили они, то пусть японские власти либо вернут его в Париж, чтобы французский суд покарал его за страшное злодеяние, совершенное им в здравом уме и твердой памяти, либо отдадут его под суд в Японии.

Действующие за кулисами защитники Сагавы сумели и на сей раз спасти его от заслуженного наказания: они на время упрятали его в небольшой токийский госпиталь, где на излечении находятся всего 30 нервнобольных,— опять-таки под предлогом необходимости исследования его психики. Как сообщала 2 ноября 1984 года парижская газета «Фигаро», он устроился там вполне комфортабельно — занялся сравнительным анализом французской и английской литературы, продолжая работу, начатую в парижском университете, и много писал.

Врачи не утруждали его своими визитами, а с пациентами госпиталя он не считал нужным общаться. Помощник главного врача госпиталя пояснил любопытствующим представителям прессы, что Сагава, «как представитель высшего социального класса, избегает встреч с представителями низших классов».

Время шло, история Сагавы была заслонена другими событиями, и японские власти,— видимо, не без давления со стороны его влиятельных родителей—сочли возможным начать обсуждение вопроса о том, что не пора ли этого модного людоеда вернуть в отчий дом, где его ждут с нетерпением.

Тот же заместитель главврача госпиталя заявил корреспонденту «Фигаро»: «В конце концов если его родители требуют его к себе, мы не можем помешать ему уйти. Сагава не сумасшедший». Токийская полиция, к которой обратился этот корреспондент, отказалась дать какие-либо сведения о том, как же решится вопрос о судьбе молодого людоеда. «Речь идет об очень деликатном деле,— заявил высокопоставленный полицейский деятель.— Пока что мы не можем ничего сказать...» Тем временем Иссеи Сагава начинает готовиться к продолжению своей литературной и кинематографической деятельности...

Ну что же, как писал по этому поводу в письме, опубликованном в парижской газете «Матэн», читатель Даниэль Боннэр из Грандвилье, «в конце концов каждое общество имеет таких героев, каких оно заслуживает», и можно было бы пройти мимо истории преуспевшего в литературном бизнесе людоеда Иссеи Сагавы, если бы не новые обстоятельства, проливающие яркий свет на деяния тех поистине бесстыдных дельцов, строящих свое финансовое и политическое благополучие на сенсациях, в которые они превращают любые самые страшные и гнусные преступления.

Вот так и история Сагавы приобрела неожиданное ответвление, имеющее прямое отношение к разоблачению поистине людоедских нравов буржуазной прессы.

СЕНСАЦИОННАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ЖУРНАЛА «ФОТО» И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Как известно, на Западе любят разговаривать о свободе печати и о том, что там любой человек вправе создать любую газету, любой журнал и печатать в них все, что ему взбредет на ум. В действительности же, там рынок прессы держат под своим контролем крупнейшие монополии, ворочающие миллиардами долларов, фунтов стерлингов, марок или франков.

Во Франции, например, существует множе-

ство газет и журналов, но лишь «Юманите» и еще несколько прогрессивных газет и журналов, поддерживаемых коммунистической партией, несут народу правду, а подавляющее большинство изданий принадлежит двум «империям» — газетную «империю» возглавляет некий Эрсан, сотрудничавший в годы войны с гитлеровцами, а журнальную — некий Даниэль Филиппачи со своими тремя подручными Франком Тено, Роже Фероном и Жеральдом де Рокеморель — их в Париже прозвали «бандой четырех». Им принадлежит более сорока иллюстрированных журналов, издаваемых во Франции.

Свое политическое кредо Филиппачи достаточно ясно охарактеризовал в интервью газете «Матэн», опубликованном 31 января 1984 года: он сказал, что больше всего на свете восхищается президентом США Рональдом Рейганом. И вся деятельность принадлежащих «банде четырех» иллюстрированных изданий во главе с журналом «Пари-матч» так же, как и деятельность всех газет во главе с «Фигаро», являющихся собственностью Эрсана, всегда и во всем подчинена политической линии, проводимой Вашингтоном.

В последние годы иллюстрированные журналы Франции испытывают немалые трудности — сказывается конкуренция телевидения. Тираж журнала «Пари-матч», к примеру, достигавший в шестидесятые годы 1 200 000 экземпляров, сократился сейчас до 900 тысяч. Поэтому чем дальше, тем большее внимание «банда четырех», возглавляемая Филиппачи, уделяет публикации сенсационных фотоснимков, в том числе фотографий, иллюстрирующих убийства людей, прежде всего наиболее зверские.

Настоящим кладом для них является документальный архив уголовной полиции, сотрудники которой, прибывая на место происшествия, по долгу службы тщательно фотографируют трупы убитых людей. По закону никто не вправе публиковать эти снимки, используемые в ходе следствий в качестве важнейших улик. Но подкуп делает свое дело, и люди Филиппачи ухитряются раздобывать такие фотографии, которые, как заявляет с удовлетворением Роже Ферон, вызывают шок у читателей.

Нетрудно догадаться, что, как только стало известно об аресте людоеда Сагавы, представители этой журнальной монополии начали искать доступ к фотографиям, которые были сделаны сотрудниками парижской уголовной полиции на месте преступления. Искали долго и, наконец, нашли. Из архива документации были выкрадены соответствующие негативы, с них сделали цветные отпечатки, после чего негативы были возвращены на место.

Операция эта обошлась недешево. Как писала газета «Матэн», «согласно источникам, заслуживающим доверия», за эти фотографии было уплачено 700 тысяч франков. Переговоры о тайной незаконной покупке длились шесть месяцев, и наконец летом 1983 года дело было сделано.

Поглядев на эти страшные снимки, хозяева журналистской «империи» заколебались: хорошо бы, конечно, их напечатать в журнале «Пари-матч», размышляли они, но в этом случае наверняка возникнет грандиозный скандал, который может поставить под угрозу само существование этой главной опоры их «империи». Поэтому было решено напечатать фотографии останков жертвы Сагавы в принадлежащем им журнале «Фото», куда главный редактор «Пари-матч» Жан Дюрьо и передал их.

И вот в ноябре 1983 года покупатели очередного номера журнала «Фото» обнаружили в нем вкладку в виде запечатанной в особый конверт тетрадки. На конверте красовалась надпись: «Безумная любовь». В тетрадке были отпечатаны пятнадцать цветных фотографий останков несчастной голландской студентки.

Одни из этих снимков были сделаны в квартире убийцы, другие — в зале института судебной медицины. Пояснительный текст гласил, что редакция журнала «Фото» предприняла сию публикацию, стремясь удовлетворить «подлинную жажду информации», которую испытывают подписчики этого издания.

Когда этот номер журнала попал в руки родителей Рене Хартевельт, они были потрясены. Тут же они возбудили судебное дело против редакции журнала «Фото», требуя конфискации всего тиража и возмещения морального ущерба, нанесенного им. Следствие началось 30 ноября 1983 года. Власти успели изъять из продажи и уничтожить 243 тысячи экземпляров журнала. 31 января 1984 года парижский трибунал по гражданским делам приговорил группу Филиппачи к выплате семье убитой студентки компенсации в размере 480 тысяч франков, причем в приговоре было записано, что деньги должны быть уплачены немедленно.

Но на этом дело отнюдь не закончилось. Еще 30 ноября 1983 года следователю Клоду Грелье было поручено найти виновников преступной сделки, в итоге которой служебные фотографии, хранившиеся в архиве парижской уголовной полиции, перекочевали к «банде четырех». Следователь оказался решительным человеком. Он предъявил главному редактору «Пари-матч» Жану Дюрьо, пятидесятитрехлетнему ловкачу по грязным делам этого журнала, обвинение в краже и в торговле краденым и тут же арестовал его, чтобы тот не сбежал, пока идет следствие.

По словам газеты «Матэн», пространно комментировавшей этот сенсационный арест, Дюрьо вел себя нагло и вызывающе, как «влиятельный член неприкосновенной журналистской корпорации». Он заявил следователю, будто снимки, опубликованные в журнале «Фото», он «купил у какого-то неизвестного за 2000 франков», и отказался говорить о «подробностях».

Тем временем друзья и покровители арестованного немедленно подняли превеликий шум, обвиняя следователя в нарушении «свободы печати» и грозя ему всеми мыслимыми и немыслимыми карами. 26 января журнал «Пари-матч» посвятил комментариям к аресту Дюрьо десять полос. В следующем номере вновь эта тема была центральной.

«Это пустяковое дело,— писал обозреватель «Пари-матч» Жан Ко.— Обратимся к фактам. Один японец-каннибал убил и разрезал на куски одну девушку. Юридическая служба опознания сфотографировала останки несчастной жертвы. Почему эти фотографии в один прекрасный день очутились на столе Жана Дюрьо, главного редактора «Пари-матч», которому поручена подготовка исследовательских статей и репортажей? Да просто потому, что те, кто обратился к нему с предложением предоставить фотографии, знали, что это журналист, который всегда ищет важную информацию, документы и свидетельства. Хороший охотник всегда готов напасть на след и пойти по нему».

И далее Жан Ко пустился в такие рассуждения:

«Да, это мелкое дело. Но из-за манипуляций (?), которым оно подвергается, это дело поднимает большую и серьезную проблему — вопрос о праве журналиста на профессиональную тайну, без которого не может существовать свобода печати, а также вопрос об отношениях между прессой, полицией и правосудием».

В том же духе были выдержаны бесчисленные статьи и интервью с деятелями, не постеснявшимися встать на защиту людоедских нравов, царящих в прессе, которая принадлежит «банде четырех». Даже сенатор Эдгар Фор, в прошлом премьер-министр, счел за благо солидаризироваться с защитниками Дюрьо. Он заявил: «В области информации нельзя преследовать скупщиков краденого, не рискуя поставить под угрозу свободу информации».

Дальше — больше. Бросая вызов правосудию, издающийся в Лионе журнал «Блю жан» перепечатал краденые фотографии, изображающие отрубленную голову голландской студентки и куски ее тела, и сопроводил эту публикацию таким заявлением: «Эти экстраординарные снимки удалось раздобыть Жану Дюрьо. Мы не знаем, как он их получил,— это его дело. Возможно, снимки эти могут вызвать рвоту у читателя. Но это информация в чистом виде. Это правда. Это не подделка. А ремесло журналиста состоит в том, чтобы глядеть фактам в лицо... Позор тем, кто хочет обуздать прессу! Хватит рассматривать читателей как идиотов и дураков!»

И что же? Судьи дрогнули, и уже 25 января 1984 года Дюрьо был освобожден из-под ареста. Буржуазные газеты торжествующе сообщили об этом, бурно выражая сочувствие человеку, которому, как они писали, пытаясь драматизировать события, «пришлось провести целую неделю на мокрой соломе в застенках республики».

Упрямый следователь Клод Грелье, однако, не отступился от порученного ему дела. Шаг за шагом он приближался к раскрытию тайных связей сотрудников уголовной полиции с редакцией журнала «Пари-матч». Он установил, что сотрудники архива уголовной полиции тайно доставили Дюрьо негативы, с которых были сделаны увеличенные отпечатки для публикации. Для этого использовалась принадлежащая хозяевам журнала самая современная аппаратура, какой в распоряжении парижской полиции пока нет.

Далее следователь, допросив «технических» сотрудников фотолаборатории «Пари-матч», установил, что среди них оказались бывшие сотрудники полицейского архива,— был создан, как писала газета «Матэн», своеобразный «профессиональный союз полиции и редакции журнала, облегчавший воровство фотодокументов». Торговля шла бойко; фотослужба парижской уголовной полиции располагала большим количеством снимков, снятых на местах преступлений,— тел убитых и т. д., и представляла собой, таким образом, «несравненный источник документов, вызывающих шок у зрителя». А такие снимки — находка для бульварных журналов Филиппачи и его людей.

Шли недели, месяцы. В распоряжении французских органов правосудия накапливалось огромное количество улик, позволяющих привлечь к судебной ответственности и Жана Дюрьо, и его хозяев. Но судьи явно пасовали перед защитниками людоедских нравов буржуазной прессы, и рассмотрение дела Дюрьо и его соучастников откладывалось снова и снова.

В конце мая 1984 года неутомимый следователь Грелье нанес новый удар по этой банде, иначе Дюрьо и его дружков и не назовешь. Он произвел обыск в редакции «Пари-матч» и на квартире у сотрудника этой редакции Жана Таньера. Этот сотрудник перед лицом неопровержимых улик признал, что это он передал Дюрьо полученные им у некоего полицейского сделанные службой опознания фотографии останков трупа молодой голландки. Кстати, дома у Таньера были найдены новые снимки трупов, «позаимствованные» из полицейского архива для публикации в журналах, принадлежащих Филиппачи.

Сведения об этом новом разоблачении попали в печать, но и на этот раз буржуазная пресса не только не поддержала требования о судебном разбирательстве всей этой грязной истории, но, наоборот, обрушилась на следователя, который не соглашался прекратить расследование.

Случилось так, что в это самое время во французском сенате обсуждался проект нового закона о прессе. И что же? Вы думаете, сенаторы поддержали меры, принятые следователем, и потребовали наконец суда над преступниками? Как бы не так! Там 29 мая был разыгран самый настоящий спектакль: сенаторы, представляющие буржуазные партии, со слезой в голосе сокрушались по поводу... мнимого нарушения следователем свободы печати!

Обсуждение проекта закона о печати было прервано, и специальная комиссия, готовившая заключение об этом проекте, провела поздней ночью чрезвычайное заседание, на которое был приглашен генеральный директор всех изданий Филиппачи Франк Тено. Этот представитель «банды четырех» заявил протест против обыска в редакции «Пари-матч», обвинив следователя в том, будто бы он изъял какие-то важные документы, трогать которые он не имел права...

В конце концов дело о публикации поистине страшных фотографий разрубленного людоедом Сагавой тела несчастной голландской студентки было спущено на тормозах. Филиппачи и его люди отделались легким испугом. Вышли сухими из воды и чиновники полицейского архива, сделавшие большой бизнес на этой публикации. Дюрьо и его помощники продолжают охоту за подобными сенсационными фотодокументами: журналы Филиппачи нуждаются в новых и новых публикациях, вызывающих шок у читателя. Чем больше трупов будет показано на страницах журнала, тем более бойко будут торговать им журнально-газетные киоски. «Кровь на первой полосе — лучшая реклама изданий» — гласит их лозунг.

Таковы поистине людоедские нравы буржуазной прессы, усилиями которой каннибал Сагава был сделан знаменитостью...

ШОКОЛАДНИЦЫ

Наталья БУМАГИНА

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Все это делают на шоколадной фабрике «Россия».

В центральной лаборатории.

Ирине Плаксиной очень идет улыбка.

Шоколадная масса готова.

Заглядывая в будущее

НА КОСМИЧЕСКИХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

В. А. ШАТАЛОВ,
летчик-космонавт СССР,
дважды Герой Советского Союза

— Владимир Александрович, вы трижды летали в космос. Работа по руководству подготовкой космонавтов, естественно, не отпускает вас уже от Земли. Но, наверное, хочется еще раз туда, в космос. Скажем, по инспекции полета или хотя бы в отпуск, как пассажир?

— Я думаю, что в обозримом будущем на орбите просто пассажиров не предвидится. Космос был, есть и будет местом для работы в интересах науки и народного хозяйства. Другое дело, что диапазон профессий в будущем расширится безгранично. Это сегодня у нас по «штатному расписанию» есть три единицы: командир, бортинженер и космонавт-исследователь. Командир, конечно, командиром и останется во все времена, будь то корабль или космический комплекс. Бортинженер тоже останется, только их станет много по самым разным специальностям — энергетики, электрики, связисты и т. д. А вот космонавт-исследователь — тут диапазон огромный. Астрофизик, физик, технолог, биолог, геолог... И много других. Естественно, появятся совершенно новые варианты космических профессий, например, космический агроном. Но пусть даже на орбите появится повар или парикмахер, все равно эти люди должны будут знать космическую технику и быть отменно здоровыми. Я слышал, что американцы как будто хотят взять на борт пассажира. По-моему, это рекламный трюк. Абсурдна сама по себе мысль о прогулке в невесомость, когда столько нужд испытывает человечество. Сергей Павлович Королев говорил, что в будущем станут возить в космос по путевкам профсоюза, но он, я думаю, не имел в виду использовать космос как место развлечения. Вероятно, он был убежден, что космическая техника станет настолько надежной и безопасной, что сделает в принципе такое возможным.

— Сегодня каждый полет в космос — подвиг. А как вы считаете, к новому тысячелетию мы придем к будничности космоса, к тому, чтобы деятельность человека в космосе считать действительно обычной работой в необычных условиях?

— Думаю, что на пороге нового тысячелетия и даже много раньше на орбите постоянно и надежно с большой экономической отдачей будут работать научно-производственные комплексы. В основе их, естественно, останется сам космический дом. В нем при его устройстве максимально будут учитываться все потребности и вкусы человека. Например, искусственные оранжереи станут и деталью интерьера, и поставщиком витаминов в пищу. Комфортабельным, красивым, удобным будет космический дом. И непрерывная видеосвязь с Землей на любом витке, где бы мы ни летели.

Комплекс рассчитан на длительный срок. Значительная часть его — пристыкованные блоки и модули. Научные лаборатории — астрофизические, биологические, медицинские, очевидно, смогут сменять друг друга. А вот службы геологии, экологии, метеорологии, сельского хозяйства, думаю, на орбите будут работать круглогодично, их данные нужны Земле постоянно.

Появятся и постоянно действующие космические заводы, поставляющие материалы с заранее запрограммированными свойствами, те, что невозможно получить на Земле. Кристаллы для радиоэлектроники, специальные стекла для оптики, уникальные металлы и, конечно, различные сверхчистые биологические препараты — ценнейшее сырье для производства лекарств. Как любой институт, завод или фабрика на Земле, космические предприятия тоже будут работать по утвержденному плану, космос станет одним из важнейших звеньев народного хозяйства страны.

Кроме того, этот орбитальный комплекс, очевидно, будет использоваться как платформа в межпланетных перелетах для заправочных и ремонтных работ.

Многое покажется сегодня фантастикой. А ведь этот комплекс может стать и базой при монтаже на околоземной орбите гигантских зеркал, чтобы осветить ночную сторону планеты, если это понадобится, базой для создания электростанций на орбите. Специалисты думают и над подобными проектами использования космоса.

Решатся проблемы доставки космонавтов в космос и обратно с минимальными перегрузками, проблемы многократности использования средств выведения на орбиту, спуска на Землю крупных приборов, блоков, ценной аппаратуры. Люди построят и испытают ракетопланы, совершат межпланетные перелеты. Но кто-то всегда будет первым. Его ждет риск и опасность в его деле, готовность и умение выполнить свой долг в любых условиях. Так что место для романтики, для подвига в космосе, как и на Земле, думаю, останется всегда.

Милитаризация космоса, которую хотят предложить американские власти, намного отодвинет проблемы исследования и использования окружающего Землю космического пространства для блага людей. Отодвинет, но не зачеркнет. Потому что я верю в разум, в понимание, что Земля — общий корабль. Другого у нас нет и не будет.

А в космос, конечно, хочется опять, даже по ночам снится, что лечу...

Беседу вела
Римма КОРНАУШЕНКО.

— Да не налегай ты на сласти! — наставляют меня мои строгие и стройные подруги. И я креплюсь. Но тут как-то купила коробку конфет «Раздолье». На ней в стиле палехской росписи изображены девушки-крестьянки в поле. Внутри словно маленькие копешки — конфеты выстроились. Попробуешь — тают во рту. Кто же их делает? На нижней стороне коробки написано: «Шоколадная фабрика «Россия», город Куйбышев». Много слышала о ней, но пробовать ее изделия довелось впервые. А вот теперь я знаю, как они делаются...

Издалека поступают мешки с зернами красновато-бурого цвета. Хранят их в огромных емкостях высотой с восьмиэтажный дом (так называемый бестарный способ хранения — очень удобный). После очистки, сортировки, обжаривания какао-бобы размалываются в мелкую крупку и освобождаются от шелухи.

— Которая называется какавелла? — спрашиваю у Валентины Андреевны Разеевой, заместителя главного технолога.

— Да, а откуда вы знаете?

Слово это всплыло из памяти раннего-раннего детства. Мы с мамой эвакуировались из Москвы в Куйбышев. Не помню, чем уж мы там питались, но точно знаю: иногда нам перепадали небольшие горсточки этой какавеллы — отходов кондитерской фабрики, наверняка еще довоенных. В шуршащей шелухе кое-где попадались остатки зернышек, горьковато-вяжущих, но замечательно пахнущих—мирным детством, праздником.

— Сейчас бы вы этих зернышек не нашли,— замечает Валентина Андреевна,— машина допускает только один процент остатков бобов — ничтожно мало.

Зерна еще несколько раз измельчают, смешивают с сахарной пудрой, другими добавками. Все это попадает в большие чаны, а там трое суток массу — точь-в-точь вулканическая лава!— крутят, давят лопасти машины, доводя до совершенной неуловимости крупинок. Теперь уже ее можно разливать в металлические формы разной конфигурации, чтобы получить большие плитки, или батончики с начинкой, или, наконец, стенки конфет.

Но вот шоколад остыл — готов. Теперь извлекай его из форм. Потом заворачивай в фольгу, надевай бумажную обертку. Все это обязанность автоматов. И они же перед отправкой в магазины плитки, коробки упаковывают в картонные короба.

Но как бы вкусен ни был шоколад или конфеты, выбираем-то мы их все-таки по одежке. Продукция фабрики одета весьма элегантно и современно. Джемма Викторовна Кузнецова, художник-оформитель по упаковке, рассказывает, как стараются на фабрике сделать оформление привлекательным. Смелые, иногда даже дерзкие предложения художников поддерживает генеральный директор фабрики Елена Васильевна Шпакова. Темы художники берут всюду — сюжеты сказок, басен, мир животных и растений, города России, стилизация по произведениям народного творчества. Правда, все творческие искания должны согласовываться с нормами стандартов. И Джемма Викторовна призналась, что хотелось бы более сложной работы: поиска новых форм, новых конструкций, а может, и возрождения прежних, забытых.

На фабрике каждый день производится 80 тонн разнообразной сладкой продукции. Хотя, наверное, грех считать конфеты только тоннами. Может, стоит найти еще и иной показатель, учитывающий, сколько радости достается детям, развертывающим забавную шоколадку; женщинам, когда им дарят изящную коробку. Впрочем, мне кажется, работники фабрики учитывают и этот, не существующий пока в отчетах показатель... Более половины работающих здесь — люди с высшим и средним специальным образованием. Этого требует сложное оборудование фабрики, где уровень механизации очень высок — 98 процентов. Так вот, специалисты внесли много предложений и по совершенствованию оборудования и по улучшению технологии. Кстати, сейчас они работают над тем, чтобы уменьшить сладость своей продукции, сохранив ее нежный вкус.

А когда им это удастся, не придется моим подругам укорять меня любовью к сладкой жизни.

Г. Ларишев. Род. 1929. МОРОЗКО. 1978.

М. Чижов. Род. 1923. ЗИМНИЙ ДЕНЬ. 1963.

Когда куранты пробьют 12

НАУЧИТЕ МЕНЯ КАЛЛИГРАФИИ...

Сердечный привет
и наилучшие пожелания
читателям журнала
„Огонёк"
с наступившим Новым
1985 годом.

У студентов третьего курса Черниговского педагогического института имени Шевченко тетради такие же, как у первоклассников: в косую линейку. «Это еще зачем?» — не сразу понял я. «Чтобы научиться красиво писать»,— ответили мне.

А зачем она, каллиграфия, в век компьютеров и шариковых ручек? Да и выведешь ли им, «шариком», красивую букву? «Не сомневаюсь в этом»,— ответил мне Иван Федорович Кирей. Он и преподает в институте каллиграфию. «Ни разу не было так, чтобы кто-то пропустил занятия»,— замечает он. И продолжает:

— А что касается шариковой ручки, то прежде каллиграфы их избегали. Дескать, классической букве должно соответствовать классическое перо. Но кого теперь заставишь вернуться к перу с чернильницей? Словом, в 1985 году начнем уроки каллиграфии с помощью «шарика». **(И это пожелание читателям «Огонька» я написал шариковой ручкой.)**

— Где, кому нужна каллиграфия?

— Древние говорили: красота письма — красота души. Может, с того времени что и изменилось, но все же... Истины, как известно, не стареют. Замечено также, что культура письма неотделима от грамотности и аккуратности.

...Много лет ведет кандидат наук И. Ф. Кирей занятия по каллиграфии. Он же создатель прописей: с 1955 года (значит, в 1985 году — тридцатилетний юбилей) по ним учатся писать учащиеся украинских школ. «Прописи» эти выдержали уже 20 переизданий, за них присуждена премия имени К. Д. Ушинского. Кирей создает упрощенный рукописный шрифт, разрабатывает его унификацию...

В прошлом году Градец-краловскому, что в Чехословакии, педагогическому институту пришло из Чернигова поздравление с 25-летием. Одно — среди многих. И все же его выделили, его рассматривали, ему удивлялись. Текст приветствия искусно выписал И. Ф. Кирей обыкновенной школьной шариковой ручкой.

К. БАРЫКИН

ИНТЕРВЬЮ С ТОЛСТОЙ МАРГАРИТОЙ

— Здравствуйте, Маргарита!

— Здравствуйте. А почему вы не назвали меня Толстой? Думаете, обижусь? Между прочим, меня в ранней юности, году этак в 1530-м, даже Терновым Венком называли (правда, я-то называла себя Венком из Роз). Но потом быстро поняла, что я, юная орудийная башня, совершенно неповторима в фортификационном смысле: среди четырех десятков оборонительных и надвратных башен Таллинской стены XV—XVII веков я была самым мощным сооружением вертикальной обороны. Так что меня вполне устраивает данное мне тогдашними обывателями прозвище «Толстая Маргарита». Сила чувствуется. И произносить легко. Попробуйте-ка выговорить имена некоторых моих коллег: Хатторпетагуне, Нуннадетагуне...

— Грусбекетагуне, Вульфардитагуне,— продолжаю я без запинки, ибо тщательно готовилась к интервью с Толстой Маргаритой,— Куради...

— Ой,— перебивает Маргарита,— только Курадиторн, Чертову башню, не поминайте, ни к чему это на ночь глядя.

— Ну, тогда Девичья, Конюшенная, Столтинг, Длинный Герман...

Толстая Маргарита тихонько вздыхает в темноте:

— Да-да, Длинный Герман... Он так хорошо виден мне отсюда, и я тоже вполне доступна его взорам... У нас с ним много общего в судьбах. Нас ведь строили не для мирных целей — то стрелять заставляли, то в тюрьмы превращали. Зато теперь мы в своих серых мантиях и оранжевых шляпах словно магнитом притягиваем в Таллин любителей старины... Вы только взгляните, как величав Длинный Герман, как высоко и гордо несет он Государственный флаг Эстонской ССР!

Фото В. Сальмре

Про меня же,— продолжает Маргарита без передышки,— нынешние люди должны знать, что я тоже не какой-нибудь там зазнавшийся памятник старинной архитектуры, а гражданка нашего города: я работаю Государственным морским музеем. За эти годы я стала самой эрудированной башней Таллина и большой специалисткой по морским делам. Не сплю совершенно: днем принимаю сотни гостей, ночами оберегаю экспонаты. Вы знакомы с начальником Инспекции по охране памятников старины Расмусом Кангрополем?

— Да, и знаю, что вы ему очень нравитесь.

— К счастью, не только я одна. Так вот, Кангрополь и многие другие здешние жители очень заботятся о сохранении старины, за что Таллин награжден международными медалями и пользуется всемирной известностью.

— Вы, Толстая Маргарита, ведете действительно огромную работу. А ваши коллеги?

— О Длинном Германе мы уже говорили — он знаменосец. Кик-ин-де-Кёк, так же, как и я, трудится на культурном поприще — предоставил свои просторные помещения для выставок, концертов, лекций. А Хеллеманну, тот, который примыкает к Дому кино, вообще скоро станет кинозвездой, раз начал служить киноискусству. В Девичьей башне популярное кафе. Столтинг финскую баню завел и очень ею гордится; а я понять не могу, почему эти сооружения для мытья в данное время стали такими светскими и модными. А вот в надвратной башне Пиккъялг открыты два художественных ателье. Будь я на месте Кангрополя и его начальников, я бы все башни восстановила и превратила в музеи, выставки, ателье и концертные залы. Я еще долго буду жить и надеюсь это увидеть.

— Хочу пожелать вам исполнения новогодних желаний.

— Вам также. Кстати, вы слышали в городе разговоры, будто башни под Новый год устраивают свидания? Ах, много чего говорят. Про меня уже с шестнадцатого века. болтают, будто я под руку с Длинным Германом каждую новогоднюю ночь разгуливаю по городу... Он такой стройный, высокий, я же рядом с ним очень своеобразна... Я бы могла рассказать кое-какие маленькие тайны с встречах башен в новогоднюю ночь, только, конечно, если вы не напишете об этом в «Огонек».

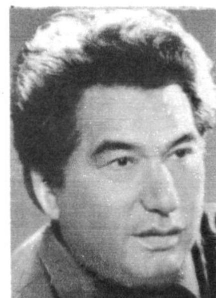
— Да как же я могу не написать?

Толстая Маргарита закрыла глаза, то бишь погасила окна на ночь.

Интервью в полночь в Таллине взяла Н. ХРАБРОВА.

Н. Абрамцева

Н. Адамян

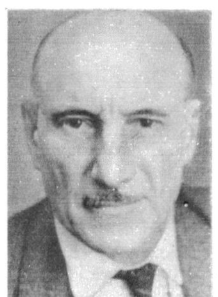

Ч. Айтматов

М. Айтхожина

С. Бабаевский

А. Басманов

М. Боич

С. Герасимов

И. Глазунов

А. Говоров

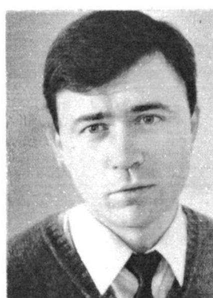

В. Гончаров

Н. Дамдинов

М. Дильбази

П. Дубинда,

Е. Ивановский

А. Караулов

Г. Кегель

Г. Копосов

Р. Корнаушенко

Ю. Корнилов

Е. Коршунов

Ю. Нагибин

Н. Никишин

Ю. Песков

М. Петрова (Пинкисевич)

Б. Протопопов

Н. Пчелко

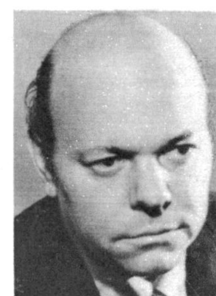

А. Рубинов

И. Тарба

В. Тихонов,

О. Спасский

С. Ткачев

В. Фирсов

Н. Хазри

З. Хирен

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ЗА 1984 ГОД

Н. Абрамцева — «Шелковая сказка» (№ 46); Н. Адамян — «На картошке» (№№ 51, 52), рассказ; Ч. Айтматов — «Жизнь и память» (№ 2), интервью; М. Айтхожина — «Пусть стихи расскажут миру...» (№ 17), стихи; С. Бабаевский — «Перемены» (№ 50), очерк; А. Басманов — «Мгновения вечности» (№ 17) и «Тайнопись Лермонтова?» (№ 42), очерки; М. Боич — «Звездный час Андрии Стояновича» (№ 2), очерк; В. Боков — «Чтобы людям жить хотелось» (№ 42), стихи; А. Бочинин — «Великолепная пятерка и вратарь» (№ 25), цветная вкладка; Е. Буков — «Изнанка вселенной» (№ 18), поэма; Н. Бумагина — «Дорогой длинною...» (№ 14), репортаж; Н. Быков — «Рожденье хлеба» (№ 32), очерк; Р. Гамзатов — «Тебе, поэзия, спасибо!» (№ 4), стихи; И. Герасимов — «Битва за Днепром» (№ 8), интервью; С. Герасимов — «Фильм о Толстом» (№ 46), статья; И. Глазунов — «В борющемся Никарагуа» (№ 9), статья и картины; А. Говоров — «Солнышко» (№ 31), стихи; В. Гончаров — «Зори и закаты» (№ 5), стихи; Н. Дамдинов — «Пожелание счастья» (№ 11), поэмы; М. Дильбази — «Когда поют колосья» (№ 48), стихи; П. Дубинда, С. Калиничев — «Почти жизнь тому назад...» (№№ 38—40), документальный очерк; Б. Ефимов — серия политических карикатур (№№ 2, 10, 20, 28, 39); В. Жук — «Мамины рушники» (№ 28), фотоочерк;

В. Боков

А. Бочинин

Е. Буков

Н. Бумагина

Н. Быков

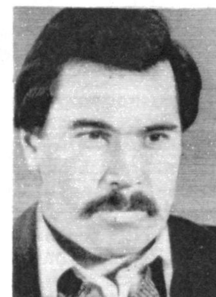

Р. Гамзатов

И. Герасимов

С. Калиничев

Б. Ефимов

В. Жук

Г. Зайцев

В. Захарченко

И. Зильберштейн

А. Иванов

Г. Куликовская

Д. Лихачев

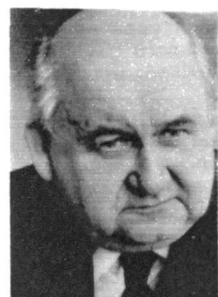

М. Лукив

Н. Лященко

Э. Межелайтис

И. Месхи,

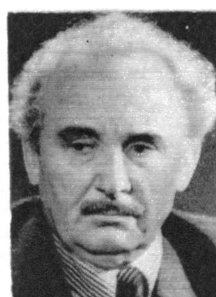

Н. Храброва

Е. Рябчиков

В. Сальников,

С. Белиц-Гейман

А. Сийг

И. Стаднюк

М. Тайманов

М. Танк

Ю. Черепанов

Л. Шерстенников

Э. Эттингер

С. Ямщиков

Я. Яхлюф

Г. Зайцев — «Трудное поле» (№ 39), поэма; В. Захарченко — «Штурмующие небо» (№ 15), стихи; И. Зильберштейн — «Встреча с Тарасом Шевченко» (№№ 11, 12), очерк; А. Иванов — «Писатель и время» (№ 6), интервью; Е. Ивановский — «Операция «Багратион» (№ 36), интервью; А. Караулов — «Со знаком минус» (№ 38), статья; Г. Кегель — «Так готовилось 22 июня 1941 года» (№№ 29—34), воспоминания; Г. Копосов — «Легендарный ФИАН» (№ 20), цветная вкладка и первая обложка; Р. Корнаушенко — серия космических репортажей (№№ 31, 32, 41); Ю. Корнилов — серия публицистических статей (№№ 3, 6, 15, 25, 37); Е. Коршунов — серия репортажей из Ливана (№№ 5, 7, 15); Г. Куликовская — «Лученосцы» (№ 25), очерк; Д. Лихачев — «Пушкин и мы» (№ 23), статья «Гомосфера — термин наших дней» (№ 36), интервью; М. Лукив — «Живой земли дыханье» (№ 43), стихи; Н. Лященко — «Блокаде — конец!» (№ 4), очерк; Э. Межелайтис — «Время двери мои открыло» (№ 2), стихи; И. Месхи, Н. Храброва — «Как живете, абхазские эстонцы?» (№ 44), очерк; Ю. Нагибин — «Князь Юрка Голицын» (№№ 31—33), главы из повести; Н. Никишин — «Хочу высокий дом построить» (№ 34), стихи; Ю. Песиков — «История одной фотографии» (№ 11), «Кто такая «Ел. Ив.»?» (№ 17), «Подвиг милосердия» (№ 45), репортажи-исследования; М. Петрова (Пинкисевич) — иллюстрации к главам из повести Ю. Нагибина «Блестящая и горестная жизнь Имре Кальмана» (№№ 11, 12); Б. Протопопов — «Происшествие в поезде» (№ 12), статья; И. Пчелко — иллюстрация к поэме «Ульянов» (№ 45); А. Рубинов — «Защитите пешехода» (№ 5), статья; Е. Рябчиков — «Поезд в будущее» (№№ 4, 5), рассказ; В. Сальников, С. Белиц-Гейман — «Нелегкая вода» (№№ 46—49), записки пловца; А. Сийг — «Живи, планета!» (№ 24), статья; И. Стаднюк — «Москва, 41-й» (№№ 50—52 за 1983 г., №№1—8), роман; М. Тайманов — шахматные обозрения (№№ 37, 42, 43, 45, 49); М. Танк — «Беседуя с землей» (№ 6), стихи; И. Тарба — «Запечатленное в камне» (№ 30), стихи; В. Тихонов, О. Спасский — «Нерв игры» (№№ 34—36), диалог о хоккее; С. Ткачев — «Край вдохновенья» (№ 35), статья; В. Фирсов — перевод поэмы «Ульянов» (№ 45); Н. Хазри — «Журавлиный клин над головой» (№ 50), стихи; З. Хирен — «День у Катаева» (№ 9), очерк; Ю. Черепанов — «Правда против мифов» (№ 48), статья; Л. Шерстенников — «Куда спешишь, Аму?» (№ 49), цветная вкладка и первая обложка; Э. Эттингер — «Партийное собрание» (№ 26), фоторепортаж; С. Ямщиков — «Суздаль — жемчужина России» (№ 5), очерк; Я. Яхлюф — «В Бекаа» (№ 38), рассказ.

Мне уже приходилось в книге «По следам Джека Лондона» упоминать о необычной судьбе этого рассказа. В 1931 году американский журнал «Физическая культура» под шапкой «Великое литературное открытие» опубликовал рассказ «Груз мака», неожиданно обнаруженный, по словам редакции, среди неразобранных бумаг на дне морского сундука Джека Лондона, на его ранчо в Лунной долине. Позже выяснилось, что рассказ, хотя и не входил в сборники сочинений писателя, уже печатался почти двадцать лет назад под другим названием — «Капитан «Сюзан Дрю». В рукописи было и третье заглавие — «Смоляной горшок». Но почему оно предназначалось рассказу, читатель узнает, дочитав его до конца.

Написан этот морской рассказ Лондоном в 1911 году на борту судна «Диригo», в дни путешествия вокруг Южной Америки. Есть в этой своеобразной новелле один мотив, который может ускользнуть от внимания читателя, если не напомнить ему одну деталь из биографии автора, а именно об отказе мужа матери Джека Лондона, Уильяма Чэни, признать себя отцом ее ребенка. Мотив возмездия жестокому родителю не раз возникает в произведениях Лондона.

На русском языке рассказ «Капитан «Сюзан Дрю» публикуется впервые.

Виль БЫКОВ,
кандидат филологических наук

Джек ЛОНДОН

КАПИТАН „Сюзан Дрю“

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Никогда не плавала по Тихому океану столь необычно нагруженная лодка. А вечернее небо было и того необычнее. На западе, нежно трепеща в голубой лазури у самой кромки горизонта, золотился закат. На востоке из нескончаемых облаков ниспадала тяжелая пелена дождя, размывающая ту линию, где море встречается с небом. А где-то на полпути между ними, скорее вырываясь из завесы ливня, чем выступая на ее фоне, вздымалась почти к самому зениту гигантская арка радуги. Она была так высока, что океанских глубин, куда уходили ее концы, верно, не хватало, чтобы замкнуть там ее правильный круг. В эту арку и плыла, направляясь к серой бесконечности, открытая, столь необычно нагруженная лодка.

На корме ее с подветренной стороны сидел нелепо выглядевший моряк-норвежец в форме квартирмейстера, одной рукой он управлял рулем, а другой держал парус бушприта. Из-под спасательного пояса у него торчала рукоятка револьвера. На коленях лежала фуражка. Легкий бриз шевелил его прямые волосы, обнажая зловещий кровоподтек на лбу.

Около него сидели две женщины. Одна — дородная, довольно полная. На ее плечи было наброшено прекрасно сшитое мужское пальто. Веки были припухшими, а лицо красным в отсветах заходящего солнца. Черные глаза ее смотрели внимательно и прямо. Одета она была празднично. В волосах, на шее и на пальцах поблескивали драгоценности. Рядом с ней сидела молодая леди лет двадцати двух—двадцати трех. Как и первая, она была декольте. Она прикрылась от солнца куском грязного брезента. Глаза ее, красивый прямой нос и в меру чувственный рот указывали на родственные связи со старшей дамой.

Напротив женщин с подветренной стороны, у парусов, на поперечной скамье пристроились трое мужчин в черных брюках и смокингах. Их головы были покрыты небольшими кусками такого же брезента, какой защищал плечи молодой леди. На лице самого молодого из них — ему было лет восемнадцать — застыло выражение отчаяния. Второй, постарше, разговаривал с дочерью. Третий, средних лет, почтительно ухаживал за ее матерью.

На дне лодки у обшивки борта устроились две черноглазые женщины, судя по всему, служанки. Одна была испанка, другая — итальянка. Напротив них находился, как с уверенностью можно судить, английский лакей, восседавший прямо, со строгим выражением лица и взглядом, устремленным на джентльмена средних лет, готовый выполнить любое его пожелание или приказ. Ближе к носу лодки, сразу за мачтой, пристроились два китайца с грубыми лицами, разбитые головы у обоих были обмотаны тряпками, сквозь которые проступала кровь; на обоих грязные хлопчатобумажные рубахи и брюки.

Сотни изнурительных морских миль лежали между этой открытой лодчонкой и ближайшей землей. Перед лицом такого огромного расстояния, одиночества, стремительно надвигающейся тропической ночи обнаженные руки и шеи женщин и крахмальные сорочки мужчин выглядели странной причудой, наваждением.

— Веселей, братец,— подбадривала приунывшего юношу молодая леди.— Самое подходящее время остановить лодку и искупаться.

— Сигарету бы!— невесело ответил тот.— Не будь, Гаррисон, таким скрягой...

— Ничего себе, мне это нравится!— сказал Гаррисон.— Ты же выкурил весь портсигар, верно? А я только две.

Темпл Гаррисон был самым добродушным членом группы. Состроив невеселую гримасу Патти Джиффорд, он извлек из брючного кармана тисненый серебряный портсигар и сосчитал оставшиеся сигареты. Всего четыре. Вилли Джиффорд ревниво наблюдал за ним.

— Прекратите! На тебя страшно смотреть,— воскликнула сестра Вилли, увидев выражение его лица.— Ты похож на людоеда.

— Конечно, так и должно быть,— отпарировал брат.— Если бы ты знала, что такое табак, ты бы, наверное, тоже походила на людоеда. Ничего, тебе это еще предстоит,— добавил он многообещающе.— Еще день-два... Что-то я не видел, чтобы ты отказалась, когда Гаррисон налил тебе в чашку больше воды, чем другим.

Патти виновато выпрямилась.

— Всего лишь на глоток,— оправдалась она.

Гаррисон извлек одну сигарету, вручил ее Вилли и защелкнул портсигар.

— Шантажист!— усмехнулся он.

Но Вилли не был злопамятным. Его дрожащие пальцы уже зажигали спичку, и он делал первую глубокую затяжку. По лицу его разлилось блаженство.

— Скоро все наладится, правда?— обратилась миссис Джиффорд за поддержкой к Сидли Брауну, джентльмену средних лет, сидевшему на корме по другую сторону от норвежца.

— Несомненно,— заверил тот.— Не поддавайтесь запугиванию Вилли. После чуда прошедшей ночи у меня нет ни малейшего сомнения в том, что какое-нибудь мимо проходящее судно подберет нас.

— Да, то было чудо,— наверное, в сотый раз согласилась она.— Как нашей группе удалось остаться невредимыми и улизнуть всем в одной лодке — это выше моего понимания.

— Интендант нам тоже помог,— сказал Сидли Браун.— Если бы не он, то ни Пейтон, ни вот эти женщины не были бы теперь с нами.

— Мы бы сами не были бы здесь, если бы не этот бедняга храбрец капитан Эшли,— подхватила миссис Джиффорд.— Это заслуга его и первого помощника.

— Они настоящие герои,— подчеркнул Сидли Браун.— Однако не пойму, как это получилось, что лишь немногим удалось спастись.

Его перебил Вилли Джиффорд:

— Что тут не понять? Все просто, как А, Б, В. Если учесть, что вы с матерью главные акционеры пароходной линии... А это было им известно.

Темпл Гаррисон загадочно улыбнулся. Что говорить, конечно, миссис Джиффорд и Сидли Браун владели контрольным пакетом акций «Азиатской Почты»—процветающей пароходной линии, которую построил старик Сайлас Джиффорд, чтобы обеспечивать свою железную дорогу грузом из Китая и Японии. Выходя замуж за его сына, миссис Джиффорд одновременно вышла и за его акции.

— Послушай, Вилли,— заметила миссис Джиффорд своему сыну,— я уверена, с нами просто обошлись справедливо. Разумеется, при кораблекрушении всегда неразбериха и беспорядок, а когда паника — неизбежны строгие меры. Нам очень повезло, только и всего.

— Я не слепой,— твердо отпарировал Вилли.— Вот то единственное, что я хочу сказать: если вы не назначите Эшли командором «Азиатской Почты», когда доберетесь до дома, он вам покажет, при условии, что он тоже сумеет оказаться дома.

Миссис Джиффорд пока решила не обращать внимания на замечание сына.

— Худшее, конечно, теперь позади,— обратилась она к Сидли Брауну.— После всего того, что мы перенесли и пережили, настоящее

вряд ли можно назвать бедой. Погода просто очаровательна, ночь никак не назовешь прохладной, и до спасения осталось не так уж далеко.

Она повернулась к Вилли.

— Уверяю тебя, Вилли, капитан Эшли не будет забыт, и его первый помощник, и интендант тоже,— она с улыбкой повернулась к нему,— и Гронвальд не останется без вознаграждения.

Темпл Гаррисон пребывал в несвойственной ему задумчивости, хотя этот молодой человек не был склонен к самоанализу.

— О чем задумались?— спросила его Патти.

Он испуганно взглянул на нее, пожал плечами, стараясь прогнать свои мысли улыбкой, и покачал головой.

Слова миссис Джиффорд напомнили ему об ужасе, пережитом менее суток назад. Все произошло во время обеда. Едва подали кофе, раздался грохот. Давка и хаос! Да, именно такими словами обычно характеризуют безумство тысячи людей перед лицом неизбежной смерти. Он снова увидел одетого в шелковые одежды слугу-китайца, прыгнувшего после раздавшегося грохота в толпу у лестницы, где сгрудились женщины и дети. В этот момент он снова был вместе с теми, кого вел капитан Эшли, и прокладывал запутанный путь наверх с палубы на палубу. Он видел офицеров в белой летней форме, инженеров и интендантов, размахивающих револьверами, пока они занимали свои места в лодке. А потом зрелище, навсегда врезавшееся в память: извержение стонущей людской массы из недр огромного корабля — сотен китайских чернорабочих, грузчиков, полтысячи перепуганных пассажиров третьего класса — китайских, японских, корейских кули и подобных земных созданий, совершенно потерявших рассудок, охваченных единственным желанием жить.

«Им грозила не только смерть в океанской пучине»,— мрачно подумал Гаррисон, вспоминая хлопки револьверных выстрелов и сухой треск автоматических пистолетов, удары палок и дубинок по головам и всхлипывания людей, сраженных бесшумными ударами финок. Миссис Джиффорд вольна верить тому, что ей нравится, что же до него, то он благодарит счастливую звезду, приведшую его в состав этой единственной пассажирской группы, к которой корабельные офицеры проявили свое внимание.

Конечно, капитан Эшли, вне всякого сомнения, заслужил руководящий пост в «Азиатской Почте», если он еще жив. Но Темпл Гаррисон не верил, что тому удалось спастись. Он помнил этот последний прорыв толпы, удерживаемой оружием и властью,— крик, раздавшийся на палубе судна в тот момент, когда их ковчег спускали на воду. Из всей команды один Гронвальд с разбитой головой был с ними. Остальным не удалось спуститься по канату, как они того хотели. Вне всякого сомнения, им удалось ускользнуть под самым носом у этих азиатов, после того, как капитан Эшли дал команду рубить концы и прокричал, чтобы они скорее отталкивались от судна и никого не пускали.

И они отталкивались изо всех сил. Гаррисон помнит, как он уперся веслом в стальной борт «Мингалии», а потом как безумный принялся грести под всплеск тел, шлепающихся вокруг в море. А когда они, казалось, были в чистых водах, он вспомнил, как, неожиданно вскочив, Гронвальд принялся тяжелым румпелем наносить удары, перегнувшись через борт, пока Патти не умолила его прекратить избиение. Вот эти два черномазых китайца, прижавшихся теперь у мачты, молча снесли град ударов по головам, но так и не выпустили из рук планшир. Миссис Джиффорд все-таки права. Были тут вещи, о которых лучше бы не вспоминать.

Второй рассвет застал их лодку едва-едва двигающейся по спокойной морской глади. Всех разбудил возглас «Господи Исусе!», принадлежавший Мерседес Мартинес, служанке Патти. Гаррисон пролил воду, которую передавал Сидли Брауну. Два китайца оживленно заверещали. Пейтон, камердинер, тянул шею в надежде увидеть то, что всем уже было видно: шхуну, похожую на яхту, с огромными парусами, лежавшую в дрейфе в полумиле от них. Китайцы первыми взялись за весла.

По мере приближения лодки к шхуне ее пассажиры могли разглядеть людей, которые рассматривали их, наклонившись через поручни с верхней палубы судна. На корме стоял огромный широкоплечий человек, куривший трубку, он бесстрастно наблюдал за ними.

Сидли Браун понятия не имел о том, каков этикет при спасении терпящих бедствие в море, но сейчас он ощущал, что все происходит как-то не так. Его это смущало. Решившись что-

то предпринять, он галантно произнес: «С добрым утром».

— С добрым утром,— послышался в ответ хриплый голос, казалось, идущий из обожженного горла.— Повезло,— резко протрубил мужчина.

— Больше всех,— радостно ответил Сидли Браун,— мы спасены.

— Черт возьми,— неожиданно последовало замечание.— А я-то думал, вы рыбу ловите.

Такой нелепый поворот заставил Сидли Брауна умолкнуть. Тяжелый разговор продолжил Вилли.

— Мы единственные, кто спасся с «Мингалии», погибшей в катастрофе позапрошлой ночью,— произнес он.

— Полагаю, мне следует пустить вас на борт,— проворчал хриплый голос.— Харкинс, брось им канат.

— Должна сказать, вы не очень рады видеть нас,— неодобрительно заметила миссис Джиффорд.

— Отнюдь, какого черта мне радоваться?— обратился к ней этот почерневший от загара человек, чей голос вблизи звучал еще ниже.— Чем меньше шкипер вроде меня имеет дела со спасенной публикой, тем лучше.

— Да это же просто зверство быть таким бесчувственным!— выдохнула миссис Джиффорд.

Она поднялась по трапу, поискала взглядом, где бы на палубе присесть, и, не найдя подходящего места, опустилась в изнеможении у низкой стены каюты. Ее очаровательные черные глаза сверкали гневом.

— Скверное животное!— продолжала она.— Да в любом месте — даже снова в шлюпке — лучше, чем торчать здесь с этим чудовищем. И он это прекрасно знает, должна я вам сказать. Он поступает так умышленно. Таким манером он хочет показать, что мы нежеланные гости.

— Что же он теперь сделает?— задала вопрос Патти Джиффорд, которая вместе с Темплом Гаррисоном стояла в тени главного паруса.

— Сделает?— воскликнула миссис Джиффорд.— Что он еще не сделал! Он собирается запихнуть меня в одну каюту вместе с мистером Брауном — в ужасный тесный ящик без иллюминатора, вентиляции и удобств, без ничего.

Она внезапно умолкла, поскольку капитан Деккер, поднявшись по трапу, приблизился к ней. Патти задрожала и прижалась к Гаррисону, потому что карие глаза шкипера засветились дьявольским огнем.

— Простите великодушно, мадам,— прогремел он, обращаясь к миссис Джиффорд.— Откуда мне знать? Я полагал, вы замужем за этим джентльменом. Но не беспокойтесь.— Его лицо теперь излучало предельную благожелательность.— Говорю вам, все в порядке. Я могу обкрутить вас обоих в любое время, у капитана в открытом море есть такие права.

— Уйдите, уйдите!— слабо простонала миссис Джиффорд.

Капитан Деккер внимательно оглядел Патти и Гаррисона и задумчиво остановил на них свой страшный взгляд.

— Я выдирал зубы,— начал он, отмечая всякий раз свои дела кивком головы,— погребал тела, а однажды отрезал человеку ногу... О господи, как он тогда орал! Но провалиться мне на этом месте, если мне доводилось соединять пары. Вот теперь мне представился случай.

Патти и Гаррисон мгновенно отступили назад.

— Я мог бы, если хотите, все обстряпать запросто,— намекнул он заговорщицки.

Патти и Гаррисон не удостоили его ответом. На палубу вышел Сидли Браун. Шкипер, ухмыляясь, повернулся к нему и игриво произнес:

— Эй, а вы хотите жениться? Могу это устроить.

У Сидли Брауна перехватило дыхание, он невольно взглянул на миссис Джиффорд.

— Да благословят меня звезды, нет! Конечно, нет, разумеется, нет.

— Ладно, моя курочка. Но ты, наверное, еще не видела повара. Не могу обещать вам безупречной чистоты, но обещаю, что он чистокровный китаец. Хорошо спите, с ним, а?

Теперь он обратился к Темплу Гаррисону:

— Но у вас все еще есть шанс. Скажите только слово, и я повяжу вас с этой девочкой крепче, чем сатана.

— А если я не скажу этого слова?— робко спросил Гаррисон.

— Тогда вы будете спать с...— он поискал взглядом на палубе, пока не заметил забавно увенчанного чалмой проходившего по корме усатого Ласкара,— с ним, вон с тем слугой.

— Тогда я буду спать со слугой,— сказал Гаррисон.

— Как хотите.— Капитан Деккер неожиданно шагнул к трапу и крикнул вниз: — Где там помощник? Спит, что ли? Поднимите его. Скажите, он мне нужен. Мигом, ты, проклятый черный дьявол! Мигом!— Он снова повернулся к спасенным с «Мингалии».— Вот там место для отдыха. Там, внизу, есть шесть отдельных кают: две с правого борта, две с левого, две на корме, под палубой. Обе женщины будут спать в первой у левого борта, их две девчонки — во второй, а кок с их милостью здесь, на корме...

— Я не буду спать там,— заикнулся было Сидли Браун.— Я предпочитаю на полу.

— Вы будете спать, где я вам укажу, и нигде иначе,— прорычал капитан Деккер.— Кто, черт возьми, приглашал вас на «Сюзан Дрю»? Разве я приглашал, а? Вы будете спать с этим китайцем, и я скажу почему. Этот ваш Пятница расположится в каюте на полу.— Он повернулся к Гаррисону: — А вы спите со слугой в правой каюте, на корме.

Потом он вдруг, выходя из себя, поднял обе руки и закричал:

— Так где же этот помощник?

Невыспавшаяся, крайне неприятная личность появилась на трапе. Он был такой же громадный, как шкипер, и так же крепко сбит. Несмотря на обезображенные губы, разорванные уши, заплывший глаз, чудовищно распухший нос и почерневшее на солнце лицо с тяжелыми скулами, все говорило о несомненном наличии в его жилах монгольской крови. Он был явно озадачен, удивлен и испуган гневом капитана.

— Леди и джентльмены,— изрек капитан Деккер.— Это помощник капитана «Сюзан Дрю». Никогда он не был красавцем. Но он был похож на человека, пока не сцепился со мной — это произошло вчера. Теперь взгляните на него. Плосконосый гусь — вот кто он теперь, и, скажу вам откровенно, этот его нос уже был немного расплющен еще до того, как я поработал над ним. Эй, Плосконосый, ты займешь матросскую койку, слышал? А где этот щенок?

Деккер обернулся и уставился на Вилли Джиффорда, прогуливавшегося на корме, сигарета торчала у него изо рта.

— Вот ты где!

Вилли замер, как вкопанный.

— Выплюнь сигарету, когда с тобой говорят!— рявкнул шкипер.

Вилли заколебался. Шкипер рванулся к нему. Миссис Джиффорд вскрикнула. Сигарета сразу выпала, и Деккер повернулся к миссис Джиффорд.

— Мадам, существует ли какая-то причина, препятствующая вашей женитьбе на его благородии?

Миссис Джиффорд зло взглянула на него.

— Ладно,— продолжал он сердито,— а какая-нибудь причина для женитьбы?

Она умоляюще посмотрела на Патти, которая направлялась к ней. Капитан остановил ее и вновь обратился к Вилли:

— Так вот, ты, брат, учись исполнять приказы. Видишь вон того красавца возле сходней? Это Плосконосый гусь. Так я отделываю тех, кто мне поперек. Брось ты эту сигарету за борт, слышал? И чтобы я не видел тебя с сигаретой. Кури, если хочешь, трубку, как настоящий мужчина. Учти, ты и вон тот, Плосконосый, будете спать вместе, понял?

Диктатор зашагал по корме, а потом, внимательно взглянув на плывущие с северо-запада облака, задумался на мгновение и заметил, обращаясь ко всем:

— На этом судне чертовски распаляет. И если случайно кому захочется пожениться, я полагаю, мы сможем обеспечить ему подходящее укрытие, не так ли? Как вы считаете?

Он явно был доволен.

Перевел с английского В. БЫКОВ.

Окончание следует.

«Страничка для женщин»

«Я хоть и не москвичка, но слышала, что есть на столичном проспекте Мира Дом моды. Хотелось бы побольше узнать о работе этого дома и вообще о моде завтрашнего дня».

В. Михальченко,
преподаватель

Харьков.

Чтобы все стало ясно, оговорюсь сразу, что модой как таковой наш Дом моды не занимается. Его основная задача — создание современного ассортимента одежды.

Сегодня в своей работе мы верны принципам, с которых начинали свое существование, когда по наказу избирателей 20 июня 1982 года был открыт наш Дом моды — подарок москвичам.

Создание стиля в одежде деловой женщины, охватывающего все сферы нашей жизни,— вот чего ждут от нас заказчицы. В своих творческих поисках наши художники-модельеры ориентируются на человека, профессия которого связана с постоянным общением с людьми. Его внешний облик должен соответствовать требованиям той сферы деятельности, в которой он трудится. Учительница начальных классов, ежедневно общаясь с малышами, едва оторвавшимися от семьи, естественно, не может одеваться как певица модной рок-группы. Хотя, с другой стороны, встретившись в гостях у друзей, они могут мало чем отличаться друг от друга по стилю одежды, если, конечно, это соответствует их внешности, вкусам, привычкам.

Более двадцати лет я проработал в модной индустрии. И как всегда, я вижу задачу художника-модельера не в диктате, а лишь подсказке, профессионально квалифицированной подсказке пути для совершенствования, для выявления индивидуальности каждого человека. Все наше мастерство должно быть направлено на то, чтобы ни в коем случае не задавить неповторимый облик каждо-

Рисунки **В. ЗАЙЦЕВА.**

ПРЕДЛАГАЕТ ДОМ МОДЫ

го человека, его личность, а, напротив, подчеркнуть самое прекрасное в нем. К нам приходят как за советом к врачу, только советы дает художник-модельер, он же следит за исполнением вещи, отвечает за его окончательное решение.

Наша основа — классика. Это не значит, что те, кому по вкусу классический стиль, должны одеваться только в традиционные английские костюмы и пиджаки мужского типа. Классикой можно считать то, что устоялось, стало не столько модой, сколько стилем. Модели в традиционных классических канонах всегда любимы и будут существовать всегда.

В основе предлагаемой нашими модельерами одежды три цвета — черный, белый, красный, цвета народного русского костюма. Мудрость, чистота, радость — так звучат они в фольклорном костюме, так звучат они в одежде нашего времени.

Серебристо-серая гамма близка и понятна большинству. Я люблю все оттенки бежевого, ведь в нем самом заложено ощущение света, тепла. Вот эти пять цветов постоянны в ассортименте Дома моды на проспекте Мира.

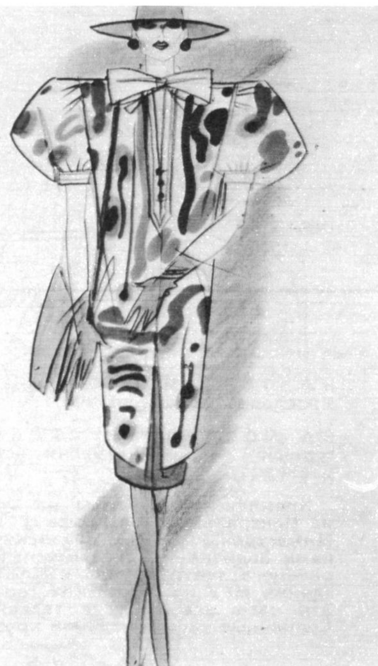
Итак, для деловой женщины классический стиль с элементами романтизма в деталях и разнообразие цветовой палитры. Длина подвижна, но, как правило, закрывает колено от 7 до 12 сантиметров. В пальто и платьях классического стиля — четкая линия плеча, слегка расширенного, прямого или аркообразного. Разнообразие в классический консервативный стиль одежды вносит новая форма рукавов — с углубленной проймой, что позволяет использовать этот стиль для женщины любого возраста и комплекции. Сегодня женщины тяготеют к большей женственности, лиричности в пальто, платьях, костюмах.

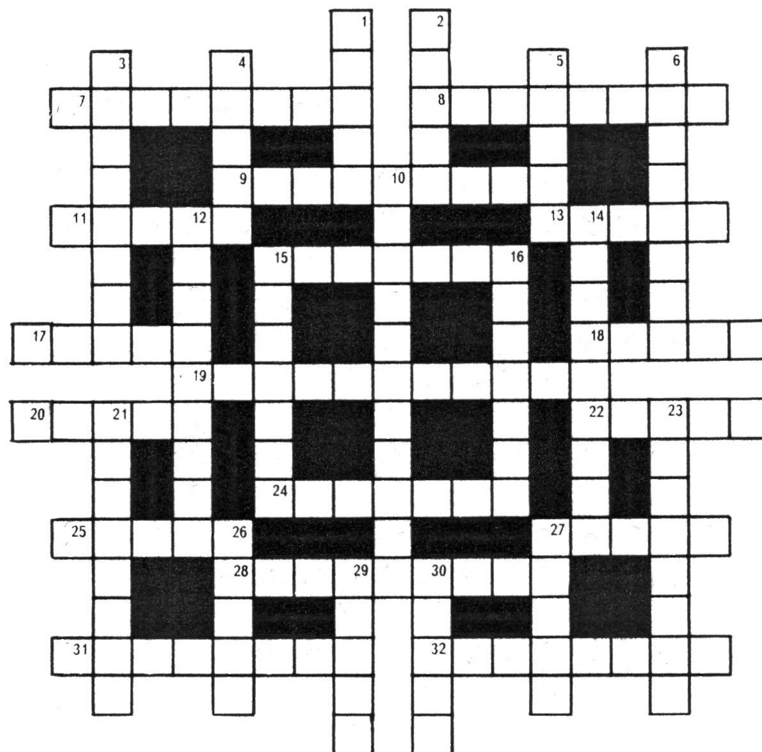
Учитывая, что в нашем доме из пятисот сотрудников восемьдесят процентов молодежи, параллельно возникла тема молодежной одежды. Наиболее популярна одежда из плащевых тканей. Кстати, многие вещи для молодых можно не заказывать, а просто купить по образцам, выставленным у нас на первом этаже.

Нам в наследие оставлен народный костюм — жемчужина народной мудрости, живой, неисчерпаемый источник для вдохновения художника-модельера. Колдовская сила народного костюма так велика, что, однажды заглянув в эту сокровищницу и осознав ее связь с древнейшими истоками русской культуры, не можешь уйти от нее в своем творчестве. Вот и сейчас наш молодой коллектив, стремясь к поискам моды будущего, готовя наших заказчиков к ее пониманию, нацелен к возрождению народных традиций, обогащенных элементами современной цивилизации. Поиск этот ведется не с позиции эклектики и этнографии, а с желанием создать базу для зарождения нового стиля, окрашенного элементами народного творчества, светом России. Век заканчивается, а платья двадцатого века, достойного наших предшественников, пока не создано. Вот наша главная забота и боль.

Вячеслав ЗАЙЦЕВ,
художественный руководитель Московского Дома моды

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Бальный танец. 8. Картина В. М. Васнецова. 9. Героиня трагедии Шекспира. 11. Резиновый диск для игры в хоккей. 13. Пресноводная промысловая рыба. 15. Сорт сдобного печенья. 17. Сумма или разность двух алгебраических выражений. 18. Приток Ангары. 19. Фокусник в цирке. 20. Одно из четырех времен года. 22. Озеро на Среднесибирском плоскогорье. 24. Советский писатель. 25. Порт в Болгарии. 27. Площадка для выступлений артистов в цирке. 28. Цветная бумажная лента. 31. Артистка, танцовщица. 32. Руководитель газеты, журнала, издания.

По вертикали: 1. Городской транспорт. 2. Город в Московской области. 3. Сорт яблок. 4. Один из Ионических островов. 5. Безворсовый ковер. 6. Народные песня и танец в Белоруссии и Польше. 10. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 12. Спортивная игра. 14. Места в зрительном зале. 15. Форма стихотворного произведения. 16. Башкирский советский писатель. 21. Река в Средней Азии. 23. Повесть В. Быкова. 26. Декоративное растение, цветок. 27. Сооружение для ремонта и стоянки самолетов. 29. Чашка, употребляемая в Средней Азии. 30. Ластоногое животное.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали: 7. Полетаев. 8. Коперник. 9. Железноводск. 10. Чаша. 11. Трос. 12. Сартаков. 16. Конев. 17. Плот. 18. Знамя. 19. Дюшес. 21. Трал. 22. Титов. 25. «Вирсавия». 28. Соло. 29. Алей. 30. Велосипедкин. 31. «Канитель». 32. Экспонат.

По вертикали: 1. Поплавок. 2. Державин. 3. Женева. 4. Золото. 5. Фруктоза. 6. Виктория. 12. Саврасов. 13. Репортер. 14. Китоглав. 15. Византия. 19. Дикобраз. 20. Шиповник. 23. «Турандот». 24. Ватерпас. 26. Иловля. 27. Индекс.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии А. А. КОВАЛЕВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 10.12.84. Подписано к печати 26.12.84. А 00471. Формат 70×108$^{1}/_{8}$. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 60. Заказ № 3916.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды» 24.

Автандил АДЕИШВИЛИ
РАССКАЗ

НЕОТЛОЖНЫЙ ВОПРОС

Незадолго до Нового года директор учреждения собрал своих сотрудников.

— Товарищи! — сказал он.— В прошлом году в предновогодней суете мы не успели решить один неотложный вопрос, который отложили до этого года. Речь идет об экономии фонда зарплаты. Думаю, что пришла пора разобраться. С такими показателями, как у нас, годовая премия может только присниться.

Сотрудники опустили глаза.

— Для того, чтобы закончить год без неприятностей, нам придется провести кое-какие мероприятия.

Директор оглядел присутствующих.

— Выход я вижу в том,— продолжал директор,— чтобы сократить одну штатную единицу. Это даст экономию фонда зарплаты на десять процентов. Прошу вносить предложения.

Все молчали. Наконец зловещую тишину нарушил председатель месткома.

— Я думаю, что целесообразно сократить должность Деда Мороза. Круглый год он ничего не делает. Работает только десять дней перед Новым годом, а зарплату получает все двенадцать месяцев.

— Кто у нас на должности Деда Мороза? — строго спросил директор.

— Инженер-экономист товарищ Топуриа,— подсказал заведующий кадрами.— По совместительству он Дед Мороз.

— Ошибаетесь, — проворчал председатель месткома,— по совместительству он инженер-экономист.

— Уточняю,— сказал главбух.— Поскольку товарищ Топуриа работает Дедом Морозом по совместительству, на полставки, сократив эту должность, мы получим только пять процентов экономии.

— А Снегурочка? — язвительно заметила буфетчица Кето.— Она у нас тоже на полставки. Сократив Снегурочку, мы получим еще пять процентов экономии. И можно больше никого не трогать.

— Увы! Этой экономии мы не получим,— вздохнул главбух.— Снегурочкой у нас работала по совместительству уборщица бабушка Нателла, а она вышла на пенсию.

Опять наступило зловещее молчание.

— Минуточку! — нашелся завкадрами.— Почему мы ищем экономии только в сокращении штатов? Сократив Деда Мороза, мы можем ликвидировать и подарки. Опять же экономия...

— Мысль хорошая,— сказал плановик,— но недоработанная. Раз не будет подарков, нам не нужна и елка.

— Ликвидировать елку! — послышались радостные голоса.

— Тем паче, что, если не будет елки, не понадобятся украшения и игрушки! — подхватил главбух.

— Это все так,— мрачно вставил председатель месткома.— Но как мы отчитаемся в проведении новогодних мероприятий?

Все опять замолчали. Однако кадровик был в ударе.

— Имею предложение! — воскликнул он.— Новогоднюю елку мы проведем. Но целиком на общественных началах. Без единой затраты из фонда зарплаты. Дедом Морозом будет, как всегда, товарищ Топуриа. Обязанности Снегурочки возложим на буфетчицу Кето, она давно рвалась к этой должности. Вместо подарков будут новогодние поздравления. Их напишет в стихах наш главный инженер. Таким образом будет исключена возможность какого бы то ни было недовольства.

— А кто будет стоять вместо елки? — полюбопытствовал представитель молодежи.

Все замолчали.

Перспектива простоять весь новогодний вечер елкой да еще на общественных началах никого не устраивала.

Директор беспокойно поглядел на часы.

— Ну, это не столь существенно,— наконец сказал он.— В конце концов я могу это взять на себя. Однако мы отвлеклись от главного. Какие будут предложения об экономии фонда зарплаты?

Часы на стене тикали угрожающе.

— Все! — наконец не выдержал директор.— С кондачка решать такой вопрос нельзя. Придется еще раз собраться после Нового года...

Окончание рассказа смотрите вначале...

Авторизованный перевод с грузинского

Н. ЛАБКОВСКОГО.

ФРАЗЫ

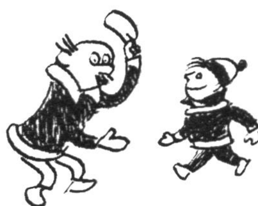
Искусственная елка о настоящей: «За что ее любят? Что она в жизни видела, кроме леса?»

Олег СОСНИЦКИЙ
Киев.

Плох тот сугроб, который не хочет стать снежной бабой!

Не нужно предлагать Деду Морозу горячительные напитки.

Одни стремятся досрочно встретить Новый год, другие — пораньше начать проводы старого.

Даже в обращении к Деду Морозу недопустим ледяной тон.

Евг. ТАРАСОВ

Годы уходят, но месяцы остаются.

Как-то неудобно в Новый год желать супругам нового счастья.

Иногда при встрече Нового года возникает ощущение, что вы с ним где-то виделись.

При встрече с Новым годом не спешите брать у него взаймы.

Совет молодым хозяйкам: не украшайте себя ярче елки.

Г. МАЛКИН

Кинограмма упражнения: так бы падал сорвавшийся сверху человек.

Много раз «сбивает» Жарикова мчащийся автомобиль.

Кажется, от этого удара человек в живых не останется.

На экране и побеждать, и проигрывать надо убедительно.

Воспитание Юры и Светы Жариковых — тоже важное отцовское дело.

Жить — значит мыслить, творить добро, действовать...

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В. Лукьянец. Ярославна (фрагмент).

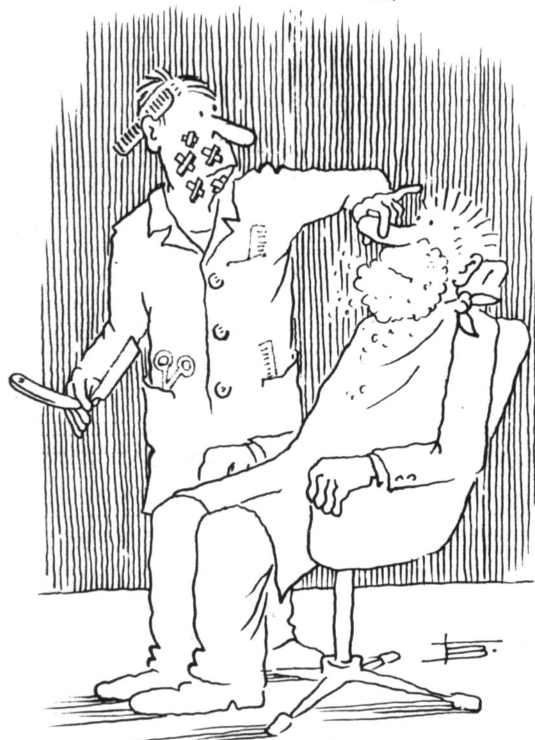
НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В новогоднюю полночь стрелки всех московских часов покажут двенадцать.

Кремлевские куранты на Спасской башне * Часовое табло на Центральном телеграфе * Эти часы венчают здание Совета Министров РСФСР * Казанский вокзал украшают часы со знаками Зодиака * Такое можно увидеть только на фасаде Центрального театра кукол * Самые высокие часы столицы — на здании МГУ на Ленинских горах * Часы Киевского вокзала * Эти часы все видят в телевизионной программе «Время» * Солнечные часы на здании историко-архивного института.

Фото Дм. Бальтерманца

Рис. В. Горюнова

Рязань.

— А это вам за бережное отношение к природе.

Рис. Ю. Черепанова.

Рис. С. Ашмарина

Свердловск.

Рис. В. Семеренко

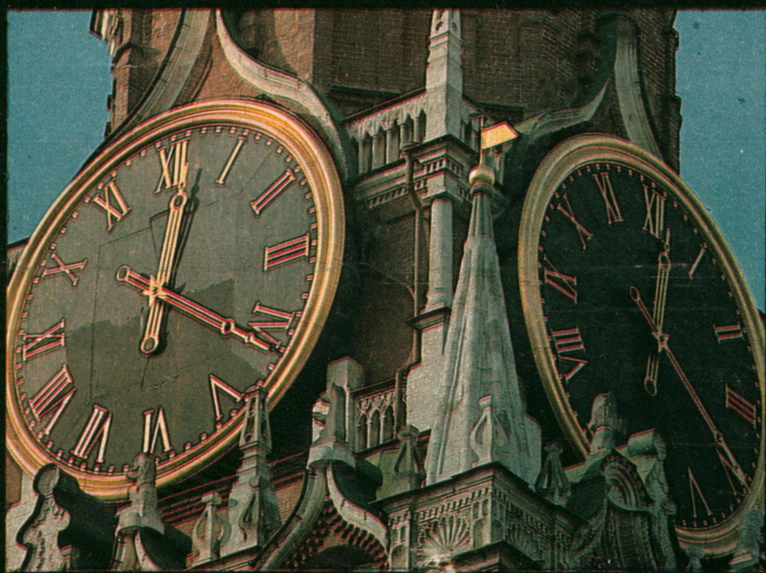
Ленинград.

Рис. А. Алешичева.

Рис. С. Ашмарина.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

